

КІ1396037

# ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Стихотворения  
вологодских поэтов



Шестидесятилетию Победы  
посвящается

# ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ



## Стихотворения ВОЛОГОДСКИХ ПОЭТОВ

ВОЛОГДА  
«КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ»  
2005

КГ13 96037

Вологодская областная  
универсальная  
научная библиотека  
им. И.В. Бабушкина

РС  
ББК 84.2  
П 15

+ кр + кати

Составитель — **В. Н. Бараков**  
Художник — **О. С. Осминин**  
Ответственный редактор — **С. А. Тихомиров**

**Память поколений:** Стихотворения вологодских поэтов. — Вологда: «Книжное наследие», 2005. — 192 с.: ил.

ISBN 5-86402-142-3

Общественная редколлегия:

Н. Н. Белова,  
Р. П. Биланчук,  
А. А. Грязев,  
С. А. Осминин (*председатель*),  
А. К. Цветков.

- © Коллектив авторов, 2005.
- © Осминин О. С., оформление, 2005.
- © Вологодская областная универсальная научная библиотека, издательство «Книжное наследие», 2005.

## НА РУБЕЖЕ

Извечная беда и мука наша — разобщенность отцов и детей. На рубеже тысячелетий раскол этот разорвал ленту истории до самого края: старшие живут, как и жили, в прошлом столетии, а младшие торопят новый, XXI век.

А все началось в середине восьмидесятых, в «перестроечные» годы, когда, казалось, все как один сошли с ума: военные радостно взрывали ракетные шахты и давили танками самолеты, спорящие интеллигенты хлестали друг друга по щекам, а законченные алкоголики вступали в общество трезвости. Люди, как злые и дерзкие дети, не почитающие старших, посылали проклятия прошлому и сбрасывали с пьедесталов памятники, готовя себе подобную же участь. А потом пролилась первая кровь, сначала розовым ручьем, а потом и огненным багряным потоком...

На богохранимой вологодской земле, к счастью, не было таких безобразий и бесчинств. Северная русская неторопливость и опасливость только на первый взгляд ущербна. Терпят ущерб как раз те, кто рубит с плеча и с глаз долой, а здесь, в морозной дымке сосновых лесов, в белоснежном кольце древних монастырей живет и думается иначе, мудрее и терпеливей, — видно и впрямь так жарко и светло молятся о нас местночтимые святые... Нас охраняет любовь. И одна из примет этой любви — стойкая и одновременно нежная привязанность к поэзии родного края.

Вологодские поэты и сейчас стоят рядом, плечом к плечу: Сергей Орлов, навсегда оставшийся фронтовиком, Александр Яшин и Сергей Викулов, отдавшие свое сердце глубинной России, «дети войны» Николай Рубцов и Ольга Фокина, в сиротстве своем предугадавшие нынешнюю русскую судьбу, и, наконец, наши современники, угодившие в самое пекло новой, глобальной мировой войны.



## ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм

и упаду

в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!

И вдруг картины грозного раздора

Я в этот миг увижу наяву.

Пустынный свет на звездных берегах

И вереницы птиц твоих, Россия,

Затмит на миг

В крови и в жемчугах

Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь — куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы,

Люблю твои избышки и цветы,

И небеса, горящие от зноя,

И шепот ив у смутной воды,

Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Смотри, опять в леса твои и доли

Со всех сторон нагрянули они,

Иных времен татары и монголы.

Они несут на флагах черный крест,  
Они крестами небо закрестили,  
И не леса мне видятся окрест,  
А лес крестов  
в окрестностях  
России.

Кресты, кресты...  
Я больше не могу!  
Я резко отниму от глаз ладони  
И вдруг увижу: смирно на лугу  
Траву жуют стреноженные кони.  
Заржут они — и где-то у осин  
Подхватит эхо медленное ржанье,  
И надо мной —  
бессмертных звезд Руси,  
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

# Военное поколение







\* \* \*

В несметном нашем богатстве  
Слова драгоценные есть:

Отечество.  
Верность,  
Братство.

А есть еще:

Совесть,  
Честь...

Ах, если бы все понимали,  
Что это не просто слова,  
Каких бы мы бед избежали.  
И это не просто слова!

\* \* \*

Не позабыть мне первых схваток,  
Разбитых сел, дорог в крови,  
Ночей под кровом плащ-палаток,  
Как первой не забыть любви.

Все шло не так, как представлялось,  
Как в книгах вычитал, —  
Не так.

Все было ново: дождь, усталость,  
Разрывы мин и гул атак.

Заране знать хотел, бывало,  
Как поведу себя в боях:  
Не осрамлюсь ли поначалу,  
Не заберется ль в сердце страх?

И, убедившись, встав под дула,  
Хлебнув и гула и огня,  
Что сердце не захолонуло,  
Кровь не свернулась у меня,

### НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,  
Страдая от удушливого жара,  
Не отличая неба от земли,  
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог, —  
Тогда прямой, с пушистой желтизною,  
Откуда ни возьмись, степной цветок  
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?  
Леса,  
Деревни, в палисадниках рябину,  
Под солнцем поле спелого овса  
И матери натруженную спину...

Что я услышал?  
Дробный стук колес,  
Крик петуха на просмоленной крыше,  
Шум светлых сосен и жужжанье ос,  
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!  
Как все стократ для сердца стало мило —  
Брусника в чашах,  
Рек голубизна, —  
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,  
В холмистом поле широки загоны.  
Как многолюдны свадьбы и пиры,  
Как сарафаны девичьи пестры,  
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,  
Плывет над лесом рокот молотилок,  
И запахи бензина не глушат  
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...  
И потому, что все перед глазами,  
Не дрогну я в сражениях с врагами,  
Земли родной не выдам:  
Не умру!

\* \* \*

Назови меня именем светлым,  
Чистым именем назови —  
Донесется, как песня, с ветром  
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,  
Сновиденья за явь приму.  
Хлынь дождем на шумную крышу,  
Ночью ставни открой в доме.

Пуля свалит в степи багровой —  
Хоть на миг сдержи суховей,  
Помяни меня добрым словом,  
Стынуть буду — теплом повеи.

Появись, отведи туманы,  
Опустись ко мне на траву,  
Подыши на свежие раны —  
Я почувствую,  
оживу.

## ТВОЯ РОДИНА

Все испытала, все превозмогла —  
Года тяжелых рукопашных схваток,  
И выстрелы врагов из-за угла,  
И длинные хвосты у продпалаток.

«Великая!» — мы говорим о ней,  
Даем присягу в верности сыновней  
И воспеваем с пристальной любовью  
Березки, речки, ширь ее полей.

\* \* \*

А все ли помним  
И всегда ль  
                    о том,  
Что родина была, и есть, и будет  
Не только реки, горы, отчий дом,  
Не просто небо и земля,  
А — люди?

Все те, что рядом, под боком у нас,  
И — далеко,  
чужие нам по крови,  
И все они нуждаются подчас  
В тепле, в участие,  
В братском добром слове.

С любым ты мог служить в одном полку,  
Делиться на походе сигаретой,  
В далекой стороне, как земляку,  
Поверить душу...  
Как забыть об этом?

И если ныне он, товарищ твой,  
Твой соотечественник — пусть не близкий,  
Безвестный пусть, —  
в беде, в нужде какой,  
Спешి ему помочь, он не чужой,  
Не отмахнись служебной запиской.

Спеши на выручку, других зови, —  
Пусть не найдется душ глухих и жестких!  
Без этого к чему слова любви  
О родине,  
О речках,  
О березках?

## СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,  
Все ж он меня растил —  
И оттого  
Порой жалею, что не довелось  
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал, —  
Рассказывает мать, —  
День ото дня  
Все чаще вспоминал меня и ждал:  
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном  
Я говорил: мол, так ее люблю,

Что подрасту и сам срублю ей дом,  
Дров наготовлю,  
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,  
Много обещал...  
В блокаде ленинградской старика  
От смерти б спас,  
Да на день опоздал,  
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —  
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...  
Нет отчима,  
И бабка умерла...  
Спешите делать добрые дела!

## ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно,  
Тем боле, что поздно  
И мой наступил  
Переходный возраст.

Не слабым слыву,  
А в голос реву:  
Туда ли плыву я?  
Так ли живу?



И спать не могу,  
И есть не могу:  
В долгу перед всеми,  
А что я могу?

Как пень на лугу,  
Как тень на снегу,  
Как серый валун  
На морском берегу...

Чье сердце смягчил?  
Кому подал руку?  
Кому облегчил  
Душевную муку?

Чью старость утешил?  
Кого осчастливил?  
Кого на дорогу  
На торную вывел?

Пред всеми в долгу я,  
А чем помогу?  
Я много могу.  
Ничего не могу.

От горя ушел,  
От хвори ушел,  
От смерти ушел —  
От себя не могу.

\* \* \*

Есть ощущение силы и в упрямстве.  
Оно как хладнокровие в бою.  
Меня не упрекнешь в непостоянстве:  
Хоть режь, хоть жги —  
Я на своем стою.

Случались в битвах тяжкие просчеты,  
Но — кровь во рту,  
А мы одно твердим,  
Что наше дело правое, и все тут,  
Что рано или поздно победим.

\* \* \*

И удивляли мир,  
И побеждали!  
А для кого-то, верно, издали  
Самосожженцев мы напоминали,  
Когда на танки со штыками шли.

И мой характер тот.  
Неколебимо  
Кидает он в неравные бои:  
Я, если верю, — верю одержимо.  
Самосожженцы — прадеды мои.

## ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,  
Что б ни летело над головой:  
Садился за весла — ружье у ног,  
Шел в чащу — заране взводил курок,  
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья,  
Не разбираясь — друзья? враги?  
А ныне  
На ток хожу без ружья,  
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить:  
Бывает легко на душе, когда  
Случайно удастся жизнь сохранить  
Птенцу, упавшему из гнезда.  
Себя самого узнать не могу.  
Осинки в лесу зазря не срублю,  
В корнях родничок, что клад, берегу,  
На муравейник не наступлю, —  
Люблю все живое,  
Живых люблю.

## НА БОБРИШНОМ УГОРЕ

Завихряется стружка,  
Пахнет ягодным бором.  
Вырастает избушка  
Над Бобришным Утором.

В получасе шаганья  
От деревни Блуднова  
Жизнь моя, как сказанье,  
Начинается снова.

Нет, не в пустынь,  
Не в пристань,  
Лежебокам на зависть, —  
В Чистый бор, как на приступ,  
Рядовым отправляюсь.

Только дым закурчавит  
Край небес над ущельем,  
И поэзия справит  
Здесь свое новоселье.  
Есть мечта:  
В удаленье  
От сумятицы буден  
Обрести птичье зренье,  
Недоступное людям.

Буду схож с Змееедом:  
Так отверзнутся уши,

Что душе станет ведом  
Говор трав и лягушек...

Заходите, соседи  
Из окрестных селений,  
Не окажется снеди —  
Угощу сочиненьем.

На Бобришном Угоре  
Воздух свеж, будто в море,  
Родниковые зори,  
И ни с кем я не в ссоре.

Ни запоров не надо,  
Ни замков,  
Н ограда.  
Добрым людям избушка  
Круглый год будет рада.

А объявится рядом  
Кто с недобрым поглядом —  
К тем она повернется  
Не передом,  
Задом.

### ЧЕГО БОЮСЬ?

Вот, кажется, не боюсь ни черта,  
А ночью  
В лесу,

Когда тени густы,  
В груди появляется вдруг пустота,  
Как перед прыжком  
с большой высоты.

Из-за чего бы?  
Ведь я — один:  
Ни ветра в верхах,  
Ни возни в кустах...  
Но из каких-то тайных глубин,  
Из недр души  
поднимается страх.

Отчаянным называют меня.  
Быть может, и впрямь  
я таким кажусь,  
Был на войне —  
не бежал от огня...  
Так почему ж темноты боюсь?  
Иль неизвестность пугает меня?  
Как клеветы —  
Темноты боюсь.

## ДОБРУ ОТКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ

Не свалит меня бездорожье,  
Я с детства ходил без сапог  
И сколько б теперь ни прожил —  
Ничто для дубленой кожи  
Неровность лесных дорог.

Без страха брожу по осоке,  
По гальке,  
Через поля.  
Дресвы не боюсь на тропке...  
Все лишние электротоки  
Берет из меня земля.

А с ними,  
Почти бесследно  
Рассасываясь, как вода,  
Все злое,  
Дурное,  
Вредное  
Уходит в песок навсегда.

И остается в теле,  
В душе  
После долгих бед  
Лишь то,  
Без чего ни веселья,  
Ни счастья на людях нет.

Мне просто необходимо  
Босым по земле ходить,  
Чтоб верить,  
И быть любимым,  
И самому любить.

Ступи, мой товарищ, попробуй  
И ты в холодок росы,

Сорви надоевшую обувь,  
Пройдись по земле босым!

В глаза, будто память о детстве,  
Зеленые глянут места,  
Добру откроется сердце  
И совесть будет чиста.

### ВАШИ УСПЕХИ

Вы знаете, что у нас за плечами!  
А что у вас за плечами?  
Вы пальцы сосали,  
Вас в люльках качали,  
Когда фашисты в дома к нам стучали  
Железными сапогами.  
В те годы рифмы своеобразные,  
Не в меру лиричное слово  
Воспринималось  
как неприличие,  
А местоимение личное —  
Как посягательство на основы.  
Теперь вы — глашатаи,  
Вы новаторы,  
Вниманием девочек умашенные,  
А мы — эпигоны,  
Мы консерваторы,  
У нас и рифмы традиционные.



Ну что ж, приму ассонансы и лесенку,  
Только бы знать, что это не суетность,  
Что вы не спасуете,  
Не перелицуетесь  
И против своих рядовых ровесников,  
Чего б ни стряслось,  
Не проголосуете.

История делает то, что следует,  
И мы ни ей, ни вам не помеха.  
Но не считайте своей победою,  
Только своею,  
Ваши успехи.

\* \* \*

Я обречен на подвиг,  
И некого винить,  
Что свой удел  
                        свободно  
Не в силах изменить,

Что этот трудный жребий  
Приняв как благодать,  
Я о дешевом хлебе  
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,  
И бестолковый спор  
О доблестях, о славе  
Не завожу с тех пор.

Что ждет меня, не знаю,  
Живу не как хочу  
И ношу поднимаю  
Себе не по плечу.

У бедного провидца  
Так мал в душе просвет,  
Что даже погордиться  
Собой охоты нет.

А друга смотрят просто,  
Какое дело им,  
Крещусь я троеперстно  
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный,  
Я в их глазах смешон.  
Да нужен ли мой подвиг?  
Ко времени ли он?

Земли не чуя сдуру,  
Восторженно визжа,  
Ползу на амбразуру,  
Клинок в зубах держа.

## ОТХОДНАЯ

О как мне будет трудно умирать,  
На полном вдохе оборвать дыханье!  
Не уходить жалею —  
Покидать,  
Боюсь не встреч возможных —  
Расставанья.

Несжатым клином жизнь лежит у ног.  
Мне никогда земля не будет пухом:  
Ничьей любви до срока не сберег  
И на страданья отзывался глухо.

Не завершил ни одного пути.  
Как незаметно наступила осень!  
Летит листва.  
Куда уж там летит —  
Ее по свету шалый ветер носит.

Потери сердца людям не видны,  
А радости стучатся в дверь все реже.  
Ни от своей,  
Ни от чужой вины  
Не отрекаюсь,  
Но долги все те же.

Сбылось ли что?  
Куда себя девать  
От желчи сожалений и упреков?

О как мне будет трудно умирать!  
И никаких  
                                нельзя  
  извлечь уроков...

\* \* \*

Дай Бог,  
Мой Боже,  
Еще лоскуток  
Шагреновой кожи.

А мне уходить.  
Не хочу уходить!  
Дай мне, Боже,  
Еще пожить.

А мне  
На переформировку,  
                                переподготовку.  
Продли мне, Боже,  
Командировку  
                                на этом свете,  
  на этой планете.

А там готов на любую.

\* \* \*

Так же будут юноши писать  
И стихи и прозу,  
Так же будут ветры задувать  
И трещать морозы.

Все, что пело, будет впредь  
Так же петь,  
Достигая роста...  
Просто можно зареветь —  
До того все просто.

Так чего же мне желать  
Вкупе со всеми?  
Надо просто умирать,  
Раз пришло время.

\* \* \*

Здесь земля дрожала не от страха,  
Просто было горестно земле,  
Осыпались звезды, как на плаху,  
На нее в ночной багровой мгле.  
И ложились звезды на сосновых  
Надмогильных столбиках тогда,  
Но вставляли батальоны снова,  
На ушанках красная звезда...  
Звездная моя земля Россия,  
Огненным политая дождем,  
Ты их на руках своих носила,  
Ты их посылала напролом.  
Сыновей своих любимых, кровных,  
Может быть, единственных, туда,  
Где на дзотах в шесть накатов бревна,  
Проволока густо, в три ряда...

\* \* \*

Может, мне и осталось всего:  
Путь — дорога к немецким окопам,  
Танк разбитый, разрывы кругом,  
Крови след на поблекшей осоке.

Он ведет, убегая, в лесок,  
А в конце, там, где холм муравьиный,  
Мне придется улечься в песок,  
Под деревьями руки раскинув.

И в опавшей листве золотой  
Надо мною в тяжелом безлюдьи  
Прорастет березняк молодой  
Через ребра распавшейся груди.

## ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя  
Мы вышли и ступили на траву  
И неправдоподобно голубое  
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,  
Кузнечик в ней кощунственно звенел,  
А где-то еще ухали снаряды,  
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили  
Зеленых трав и синей тишины,  
Чтоб мы помылись, бороды побрили  
И посмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам, невесомы,  
Пройдут и сядут около солдат,

О мирном крае, о родимом доме  
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится  
Затерянный в просторах городок,  
И домик, и, как в песне говорится,  
На девичьем окошке огонек,  
И взор твой незабвенный и лукавый,  
Взор любящий навек моей судьбы...  
Танкисты спят, как запорожцы, в травы  
Закинув шлемы, разметав чубы,

\* \* \*

Когда на фронте наступает ночь  
И в небе загораются ракеты,  
Они встают, идут от фронта прочь,  
Белесыми туманами одеты.

Из ржавых вод, из голубого мха  
В истлевших гимнастерках и пилотках  
Они встают, беззвучна и тиха  
Солдат убитых тяжкая походка.

Они проходят мимо часовых  
Бессонных у замолкнувших орудий,  
Они зовут по именам живых,  
Но их не слышат все живые люди.



Их вдаль ведет извечная тоска  
К жилищам мирным, к отческому дому  
Они спешат, дорога далека,  
По перелескам темным, незнакомым.

Но их в пути вдруг застает рассвет,  
Петуший голос на краю России,  
И на восток пути им больше нет  
Через поля широкие, пустые.

Тогда спешат они к своим местам  
В неизвестные холодные могилы,  
И воронье взлетает по лесам  
И вслед кричит им хрипло и уныло.

Но если кто успеет дошагать  
По тропам тайным в то село родное,  
Проснется ночью старенькая мать,  
И взор ее наполнится слезою.

У ней в ту ночь прибавится седин,  
В окно глядеть старушка будет долго,  
Почудилось, что в двери стукнул сын,  
А это ветер в дверь стучит щеколдой.

И станет долго во дворе скрипеть  
Сыпучий снег, стучать в ворота ветер,  
В трубе печной о чем-то долго петь...  
И женщина уснет лишь на рассвете.

А тот солдат останется навек  
Под небесами отческого края,  
И станет там кричать, как человек,  
Осенний ветер, по полям летая.

\* \* \*

А было под Волховом синим:  
В крови поднимался рассвет,  
Завязшие танки в трясине  
И черные ленты ракет.  
Болота, болота, болота,  
За каждую кочку бои,  
И молча в отчаянных ротах  
Друзья умирают мои.  
Ползут по кровавому следу,  
По черному следу полки,  
Лишь веруя сердцем в победу  
Рассудку уже вопреки...

### ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,  
И пыль похода на одежде.  
Стянуть комбинезон с плеча —  
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:  
Пускай машина отдыхает.  
Мы все перенесем с тобой:  
Мы люди, а она стальная...

\* \* \*

Его зарыли в шар земной,  
А был он лишь солдат,  
Всего, друзья, солдат простой,  
Без званий и наград.

Ему как мавзолеей земля —  
На миллион веков,  
И Млечные Пути пылят  
Вокруг него с боков.

На рыжих скатах тучи спят,  
Метелицы метут,  
Грома тяжелые гремят,  
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой...  
Руками всех друзей.  
Положен парень в шар земной,  
Как будто в мавзолеей.

\* \* \*

Вот человек — он искалечен,  
В рубцах лицо.  
Но ты гляди  
И взгляд испуганно при встрече  
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,  
Не думал о себе в пути,  
Чтобы она была такая:  
Взглянуть — и глаз не отвести!

## ПОБЕДА

Она пришла с улыбкою с вокзала  
И скинула с порога вещмешок.  
В избе светло необычайно стало,  
И сразу ни печалей, ни тревог.

И мать руками сына обнимает.  
Так вот она, Победа, какова:  
В защитной гимнастёрке, молодая,  
И у нее седая голова...

\* \* \*

Коль будет трудно, я приду туда,  
В ту рощу забинтованных березок,

Где спит в воронках рыжая вода  
И черный танк в огне заката розов,  
Пять лет прошло, а танк еще горит,  
Трещат сухие сучья, как патроны,  
И столб багровый северной зари  
Стоит над башней черной, опаленной,  
Я в ней горел, искал рукою люк,  
Срывал одежду на снегу горячем,  
Здесь мой солдат, мой закадычный друг  
Стрелял из пулемета наудачу.  
Да, я приду, и я опять смогу,  
Коль с ног собьет, подняться в рост в ненастье,  
Последнюю гранату — по врагу,  
И словно в жизни пробиваться к счастью.

\* \* \*

Я не люблю того, кто мир винит  
Во всех своих печалях и невзгодах,  
Кто, чуть чего, кричит: «А все они!..»  
Неважно, кто они — кто люди, годы.  
Мне кажется, я сам тому виной,  
Что счастье просто затерялось где-то,  
Что в мире меньше радостью одной,  
Чем быть могло, и я виновен в этом.  
В долгу перед друзьями и землей,  
Мне в жизни никогда не расплатиться  
За небеса, за тот последний бой,  
За вдохновенье, за любовь, за жизнь, что длится.

\* \* \*

Голос первой любви моей — поздний, напрасный —  
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть  
И звучит до сих пор обещанием счастья...  
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

Над горящей землей от Москвы до Берлина  
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,  
И в бинтах все березы, в крови все рябины...  
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,  
Холодок первых губ, как ожог, не стереть,  
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть...  
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

\* \* \*

Конь плакал. Падала звезда.  
Летели птицы в глубь заката.  
И шли неведомо куда  
Себя забывшие солдаты.

Мир стал похож на водоем.  
В нем, словно водоросли, мысли  
Струились неживым огнем  
И тучами печально висли.

Но где-то все-таки была  
Граница воздуха и света,  
Тончайшая, как гладь стекла,  
День накрывающая этот.

Еще рывок, еще бросок,  
И можно будет, можно будет  
Пробить его наискосок  
И, вынырнув, вздохнуть всей грудью.

\* \* \*

Нас нет на свете. Мы трава и лес,  
Свист пеночки и звон лозы в кювете,  
Волны речной мгновенный, вольный плеск  
И бьющий в лица на дорогах ветер.  
Нас вырубал металл, огонь пожег.  
Четыре года, вечности четыре  
В пыль разносил грохочущий тротил,  
И нас давно уж нет в подлунном мире.  
За нас живут и любят, все за нас  
Внимают слову, произносят речи  
И ловят дождь в ладони в ранний час,  
И женщин будят молча на рассвете...

\* \* \*

Христос распят, но жив Иуда,  
И всходят над землей кресты.

На свете будет жить Иуда,  
Покуда будут жить христы.

И молоток стучит со злостью,  
Ища Христа среди людей:  
Ведь надо же в кого-то гвозди  
Вбивать, когда полно гвоздей.

Стучит старательно Иуда,  
Летит серебряник на стол.  
Ах, если бы случилось чудо  
И все-таки Христос пришел!..

Пришел не так, как приходили  
Все возвращенные с креста,  
А в здоровой памяти и силе —  
Ко всем, в ком совесть не чиста.

\* \* \*

Когда это будет, не знаю,  
В краю белоногих берез  
Победу Девятого мая  
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши  
Армейские трубы страны,  
И выедет к армии маршал,  
Не видевший этой войны.



И мне не додуматься даже,  
Какой там ударит салют,  
Какие там сказки расскажут  
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,  
Нам знать довелось на роду,  
Что было Девятого мая  
С утра в сорок пятом году.

\* \* \*

Теряю вкус к подробностям хмельным  
Воды и суши  
И вглядываюсь пристальнее в дым,  
В людские души.

Прекрасные мгновения ловлю —  
И удивляюсь.  
Все больше, больше этот мир люблю  
И в том не каюсь.

\* \* \*

Россия есть у каждого своя:  
Свои леса в ней и свои поляны,  
Свои враги в ней и свои друзья,  
Свои у всех на будущее планы.  
Но черный хлеб ее у всех один —

Насущный хлеб, что Правдою зовется,  
Не все им сыты. Только все едим,  
Его хватает нам и остается.

\* \* \*

Мне нынче снится край родной ночами,  
Воды большие светлы, и по ней  
Я все плыву в веселье и в печали,  
Как в дни далекой юности моей.

Я все плыву на родину и вижу,  
Как изменилась там земля сама.  
В воде высокий тонет берег рыжий,  
И странные там люди и дома.

Вхожу в дома я, словно в отраженья  
В воде зеркальной, преломившей свет.  
Я помню все там с моего рожденья,  
Все узнаю, и ничего там нет.

Там все не так и все не то, и все же  
Над всем душа сжимается моя.  
Тревожно и пронзительно похоже  
Там все, что твердо знал и видел я.

И все плывет вода, и все струится  
Куда-то вдаль, куда-то вдаль... Куда?  
Старинные над ней восходят лица,  
Как месяцы, как луны, как года.

Зеленые и вянущие травы,  
Осенние березы и кусты  
Недвижные, как будто бы неправда,  
Среди равнины, словно у черты,

Где может все неожиданно оборваться  
От шороха, как будто от беды,  
И сладко там, и страшно оставаться  
И сознавать мне этот сон воды...

\* \* \*

Земля летит, зеленая, навстречу,  
Звенит озер метелью голубой.  
На ней березы белые, как свечи,  
Свист пеночки и цветик полевой.

Я землю эту попираю ногами,  
К ней под обстрелом припадал щекой,  
Дышал ее дождями и снегами  
И гладил обожженную рукой.

Прости, земля, что я тебя покину,  
Не по своей, так по чужой вине,  
И не увижу никогда рябину  
Ни наяву, ни в непроглядном сне...

## О ТИШИНЕ

Степная речка высохла давно.  
И экскаватор, берегом ступая,  
речушки этой глинистое дно  
и день и ночь без усталости копает.

Сырого грунта гулкие шлепки —  
как взрывы бомб.  
А на земле, устало  
тяжелые раскинув кулаки,  
спит мастер сменный:  
знать, давно не спал он.

Как богатырь, лежит он на спине  
в комбинезоне, выцветшем от пота...

Вот так же спят солдаты на войне  
меж двух атак, под рокот пулемета.

Спит человек. И даже видит сны,  
в которых лес, пшеница у дороги...  
А вот случись минута тишины —  
и вскочит он, как воин по тревоге!

Начать бы так стихотворенье:  
«Я помню чудное мгновенье...»  
Но было все совсем не так.

В окопе, перед наступленьем,  
курили молча мы табак.  
Час оставался до сраженья.  
А там (на то она — война!)  
кого-то спишет со снабженья  
навечно ротный старшина.

Но не об этом, не об этом  
все ж думал я...  
Меня ждала  
в краю, где тихие рассветы,  
девчонка нашего села.  
Хорошие слова сказала  
мне на прощание она...

Вставал рассвет. Грозя обвалом,  
плыла над фронтом тишина.  
Часы показывали восемь.  
Шепча проклятия врагу,  
в окоп свалился письмоносец  
с тяжелой сумкой на боку.  
Конверт мне сунув:

— Не иначе,  
как от нее опять, — сказал.

«Любимый мой!» — смеясь и плача,  
я в первой строчке прочитал.

Но вот за дымным лесом где-то  
проснулся гневный бог войны  
и в небо красная ракета  
взлетела с нашей стороны  
Взлетела медленно, тревожно...

Я падал и вставал опять...  
Я верил: счастье невозможно  
из тысяч пушек расстрелять!  
А пули пели. Мимо, мимо!  
И мины падали в траву  
Я знал, что мне необходимо  
Дожить, и верил: доживу!

...Так день за днем...  
В огне и дыме  
прошла зима, потом весна  
Все ж опоздал я... Ты прости мне:  
четыре года шла война.

Где ты теперь? Кто мне расскажет?  
А впрочем, это все равно:  
я позабыл тебя. И даже  
все письма сжег давным-давно  
Забыл. Пришла пора иная...  
Но я себе напрасно лгу:  
я, о тебе не вспоминая  
о прошлом думать не могу.

Ведь ты со мною в дни ненастья  
была на линии огня...

А это... это было счастьем,  
по крайней мере для меня!

\* \* \*

Оглядываюсь с гордостью назад:  
прекрасно родовое древо наше!  
Кто прадед мой? — Солдат и землепашец.  
Кто дед мой? — Землепашец и солдат.  
Солдат и землепашец мой отец.  
И сам я был солдатом, наконец.

Прямая жизнь у родичей моих.  
Мужчины — те в руках своих держали  
то плуг, то меч... А бабы — жены их —  
солдат земле да пахарей рожали.

Ни генералов нету, ни вельмож  
в моем роду. Какие там вельможи...  
Мой прадед, так сказать, не вышел рожей,  
а дед точь-в-точь был на него похож.

И все ж я горд, — свидетельствую сам! —  
что довожусь тому сословью сыном,  
которое в истории России  
не значится совсем по именам.

Не значит... Но коль неумоготу  
терпеть ему обиды становилось,  
о, как дрожать вельможам доводилось,  
шаги его расслышав за версту!

Ничем себя возвысить не хочу.  
Я только ветвь на дереве могучем.  
Шумит оно, когда клубятся тучи,—  
и я шумлю... Молчит — и я молчу.

## ПАРАД ПОБЕДЫ

Такое Площадь знала лишь однажды,  
однажды только видела Земля:  
солдаты волокли знамена вражьи,  
чтоб бросить их к подножию Кремля.

Они, свисая, пыль мели с брусчатки.  
А воины, в сиянии погон,  
все били, били в черные их складки  
надраенным кирзовым сапогом.

Молчала Площадь. Только барабаны  
гремели. И еще — шаги, шаги...  
Вот что такое «русские Иваны» —  
взгляните и запомните, враги!

Вы в них стреляли?

Да, вы в них стреляли!



И жгли в печах?

Да, вы их жгли в печах!

Да только зря: они не умирали,  
лишь молний прибавлялось в их очах!

«На-а-пра-во!» — и с размаху о брусчатку  
и свастику, и хищного орла.

Вот так! России бросили перчатку —  
Россия ту перчатку подняла!

И видели, кто был в тот день в столице,  
на Площади: она, лицом строга,  
подняв венец

и меч зажав в деснице,  
прошла по стягам брошенным врага!

## ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

К погожему рассвету приурочив  
событие,

в предчувствии утрат,  
осенние березовые рощи  
несметным войском вышли на парад.  
И радостна была она для взгляда  
и почему-то трогала до слез —  
торжественность последнего парада  
осенних облетающих берез.

Ворвется скоро зимник в их пределы —  
и все... И лето канет за чертой.

Но, прежде чем на землю ляжет белый  
снег, —

долго будет падать золотой.

И, ветками озябшими кивая,  
березы будут елям напевать  
одно и то ж: «До следующего мая!  
Счастливо только б

перезимовать...».

## ПИШИТЕ ПИСЬМА МАТЕРЯМ

Поют гитар походных струны  
в тайге, в горах, среди морей...  
О, сколько вас сегодня, юных,  
живет вдали от матерей!

Всегда вы где-нибудь в дороге —  
то там объявитесь, то тут...  
А ваши матери в тревоге  
вестей от вас все ждут и ждут.

Они считают дни, недели,  
слова роняют невпопад...  
Коль рано матери седеют —  
не только возраст виноват.

И потому, служа солдатом  
или скитаясь по морям,  
почаще все-таки, ребята,  
пишите письма матерям!

## В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Они к нам не придут, не постучат...  
И все ж, хотя нам это всем известно,  
мы за столом для них оставим место,  
нальем бокалы им... Пускай стоят.

Мы — братья их, нам больше повезло.  
Мы — побратимы их, нас миновало...  
Зато как после нам их не хватало  
и как без них нам было тяжело!

Не ждут их больше матери назад,  
состарились их жены и невесты.  
Под мирным небом всходят повсеместно  
цветы и травы, где они лежат.

Но, памяти о них навек верны,  
за счастье жить

мы выпьем честь по чести  
и вспомним, не сговариваясь, песни,  
что мы певали с ними в дни войны.

«Землянку», «Огонек» и все подряд...  
И будем слушать, в чувствах не лукавы,  
о чем молчат, нетронуты, бокалы,  
о чем они, невыпиты, кричат,

# Дети ВОЙНЫ





## ДЕТСТВО

Мать умерла.  
Отец ушел на фронт.  
Соседка злая  
Не дает проходу.  
Я смутно помню  
Утро похорон  
И за окошком  
Скучную природу.

Откуда только —  
Как из-под земли! —  
Взялись в жилье  
И сумерки и сырость...  
Но вот однажды  
Все переменялось,  
За мной пришли,  
Куда-то повезли.

Я смутно помню  
Позднюю реку,  
Огни на ней,  
И скрип, и плеск парома,  
И крик «Скорей!»,

Потом раскаты грома  
И дождь... Потом  
Детдом на берегу.

Вот говорят,  
Что скуден был паек,  
Что были ночи  
С холодом, с тоскою, —  
Я лучше помню  
Ивы над рекою  
И запоздалый  
В поле огонек.

До слез теперь  
Любимые места!  
И там, в глуши,  
Под крышею детдома  
Для нас звучало  
Как-то незнакомо,  
Нас оскорбляло  
Слово «сирота».

Хотя старушки  
Местных деревень  
И впрямь на нас  
Так жалобно глядели,  
Как на сирот несчастных,  
В самом деле,  
Но время шло,  
И приближался день,

Когда раздался  
Праведный салют,  
Когда прошла  
Военная морока,  
И нам подъем  
Объявлен был до срока,  
И все кричали:  
— Гитлеру капут!

Еще прошло  
Немного быстрых лет,  
И стало грустно вновь:  
Мы уезжали!  
Тогда нас всей  
Деревней провожали,  
Туман покрыл  
Разлуки нашей след...

## БЕРЕЗЫ

Я люблю, когда шумят березы,  
Когда листья падают с берез.  
Слушаю — и набегают слезы  
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,  
Отзовется в сердце и в крови.  
Станет как-то радостно и больно,  
Будто кто-то шепчет о любви.



Только чаще побеждает проза,  
Словно дунет ветер хмурых дней.  
Ведь шумит такая же береза  
На могиле матери моей.

На войне отца убила пуля,  
А у нас в деревне у оград  
С ветром и с дождем шумел, как улей,  
Вот такой же желтый листопад...

Русь моя, люблю твои березы!  
С первых лет я с ними жил и рос.  
Потому и набегают слезы  
На глаза, отвыкшие от слез...

## ГЕРОЙ

Снова к горлу приставив штык,  
Продолжает фашист допрос.  
Снова в этот жестокий миг,  
Стиснув зубы, молчит матрос!  
Скрывший волей жестокость мук  
Взгляд лишь ненависть означал,  
И, не выдержав взгляда, вдруг:  
— Сжечь его! — фашист закричал.  
...Злые тени сползали с крыш,  
Мгла моталась во все края.  
Гневный голос прорезал тишь:  
— Отомстите... друзья!  
И когда моряки в село

Ворвались сквозь огонь и смерть,  
О, как яростно и тяжело  
На врагов обрушилась месть!  
Горько было: погиб герой.  
И по-воински как с родным,  
С обнаженной головой  
Каждый молча простился с ним.  
Все друзьям рассказал о нем  
Лучше слов и любых примет  
Обожженный с краев огнем  
Комсомольский его билет!  
Над могилою у берез,  
Где так ласков русский пейзаж,  
Баянист, не скрывая слез,  
Сыграл похоронный марш!  
А когда, будто кровь с земли,  
Встало утро в красных лучах,  
Моряки из села ушли  
С пулеметами на плечах.  
Плакал ветер над пеплом нив,  
А матросы спешили в бой  
С гневным сердцем. Каждый  
из них  
Был таким же, как тот герой.

## ДОЛГ

Холодный шум ночного океана,  
Незримые дороги кораблей...  
Я вижу земляничную поляну.

Над поляной — крики журавлей.  
Родимый край мой!

В грезах или в росах,  
В туманах ночи и в сиянье дня,  
И в пору жатвы, и на сенокосах  
Ты с детства завораживал меня.  
А дни идут...

Над палубой эсминца  
Качается свинцовый небосклон.  
А волны, волны, волны

вереницами  
Стремительно бегут со всех сторон.  
И там, где сила духа на пределе,  
Где шторм встает преградой

кораблю,  
Я должен, должен доказать на  
деле,  
Что сердцем всем я Родину  
люблю.

## МАЧТЫ

*В. Д. Коркину*

Созерцаю ли звезды над бездной  
С человеческой вечной тоской,  
Воцаряюсь ли в рубке железной  
За штурвалом над бездной морской, —

Все я верю, воспрянувши духом,  
В грозное свое бытие  
И не верю настойчивым слухам,  
Будто все перейдет в забытие.

Будто все начинаем без страха,  
А кончаем в назначенный час  
Тем, что траурной музыкой Баха  
Провожают товарищи нас.

Это кажется мне невозможным.  
Все мне кажется — нет забытия!  
Все я верю, как мачтам надежным,  
И делам, и мечтам бытия.

### В КОЧЕГАРКЕ

Вьется в топке пламень белый,  
Белый-белый, будто снег,  
И стоит тяжелотелый  
Возле топки человек.  
Вместо «Здравствуйте»:  
— В сторонку! —  
Крикнул: — Новенький, кажись? —  
И добавил, как ребенку:  
— Тут огонь, не обожгись! —  
В топке шлак ломал с размаху  
Ломом, красным от жары.  
Проступали сквозь рубаху  
Потных мускулов бугры.

Бросил лом, платком утерся.  
На меня глаза скосил:  
— А тельняшка, что, для форсу? —  
Иронически спросил.  
Я смеюсь: — По мне для носки  
Лучше вещи нету, факт!  
— Флотский, значит?  
— Значит флотский.  
— Что ж, неплохо, коли так!  
Кочегаром думать надо,  
Ладным будешь, — произнес.  
И лопату, как награду,  
Мне вручил: — Бери, матрос! —  
...Пахло угольным угаром,  
Лезла пыль в глаза и рот,  
А у ног горячим паром  
Шлак парил, как пароход.  
Как хотелось, чтоб подуло  
Ветром палубным сюда...  
Но не дуло. Я подумал:  
«И не надо! Ерунда!»  
И с таким работал жаром,  
Будто отдан был приказ  
Стать хорошим кочегаром  
Мне, ушедшему в запас!

## ОСЬ

Как центростремительная сила,  
Жизнь меня по всей земле носила!

За морями, полными задора,  
Я душою был нетерпелив, —  
После дива сельского простора  
Я открыл немало разных див.

Нахлобучив «мичманку» на брови,  
Шел в театр, в контору, на причал.  
Полный свежей юношеской крови,  
Вновь, куда хотел, туда и мчал...

Но моя родимая земляца  
Надо мной удерживает власть, —  
Память возвращается, как птица,  
В то гнездо, в котором родилась,

И вокруг любви непобедимой  
К селам, к соснам, к ягодам  
Руси Жизнь моя вращается незримо,  
Как земля вокруг своей оси!..

## ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

*В. Белову*

Тихая моя родина!  
Ивы, река, соловьи...  
Мать моя здесь похоронена  
В детские годы мои.

— Где же погост? Вы не видели?  
Сам я найти не могу. —  
Тихо ответили жители:  
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,  
Тихо проехал обоз.  
Купол церковной обители  
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,  
Сено гребут в сеновал:  
Между речными изгибами  
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина  
Там, где купаться любил...  
Тихая моя родина,  
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,  
Тот же зеленый простор.  
Словно ворона веселая,  
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..  
Время придет уезжать —  
Речка за мною туманная  
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею.  
С громом, готовым упасть.  
Чувствую самую жгучую.  
Самую смертную связь.

## РУССКИЙ ОГОНЕК

Погружены  
                    в томительный мороз,  
Вокруг меня снега оцепенели.  
Оцепенели маленькие ели,  
И было небо темное, без звезд.  
Какая глушь! Я был один живой.  
Один живой в бескрайнем мертвом поле!

Вдруг тихий свет (пригрезившийся, что ли?)  
Мелькнул в пустыне,  
                    как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,  
Входя в избу (последняя надежда!),  
И услышал, отряхивая снег:  
— Вот печь для вас и теплая одежда...—  
Потом хозяйка слушала меня,  
Но в тусклом взгляде  
Жизни было мало,  
И, неподвижно сидя у огня,  
Она совсем, казалось, задремала...



Как много желтых снимков на Руси  
В такой простой и бережной оправе!  
И вдруг открылся мне  
И поразил  
Сиротский смысл семейных фотографий:

Огнем, враждой  
Земля полным-полна,  
И близких всех душа не позабудет...  
— Скажи, родимый,  
Будет ли война? —  
И я сказал: — Наверное, не будет.

— Дай Бог, дай Бог...  
Ведь всем не угодишь,  
А от раздора пользы не прибудет... —  
И вдруг опять:  
— Не будет, говоришь?  
— Нет, — говорю, — наверное, не будет.  
— Дай Бог, дай Бог...

И долго на меня  
Она смотрела, как глухонемая,  
И, головы седой не поднимая,  
Опять сидела тихо у огня.  
Что снилось ей?  
Весь этот белый свет,  
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?  
Но я глухим брэнчанием монет  
Прервал ее старинные виденья...  
— Господь с тобой! Мы денег не берем!  
— Что ж, — говорю, — желаю вам здоровья!

За все добро расплатимся добром,  
За всю любовь расплатимся любовью...

Спасибо, скромный русский огонек,  
За то, что ты в предчувствии тревожном  
Горишь для тех, кто в поле бездорожном  
От всех друзей отчаянно далек,  
За то, что, с доброй верою друга,  
Среди тревог великих и разбоя  
Горишь, горишь как добрая душа,  
Горишь во мгле, — и нет тебе покоя...

\* \* \*

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,  
Неведомый сын удивительных вольных племен!  
Как прежде скакали на голос удачи капризной,  
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли; гуляя, гармонь оглашала окрестность,  
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,  
И требовал выпить за доблесть в труде и за  
  честность,  
И лучшую жницу, как знамя, в руках  
  проносил?

[illegible]

А мимо неслись в торопливом немолкнушем  
шуме  
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и  
грустно  
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!  
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,  
И лодка моя на речной догнивает мели.

И храм старины, удивительный, белоколонный,  
Пропал, как виденье, меж этих померкших  
полей, —  
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной  
царской короны,  
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых  
церквей!..

О, сельские виды! О, дивное счастье родиться  
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!  
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,  
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,  
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,  
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...  
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!  
Останься, как сказка, веселье воскресных  
ночей!

Пусть солнце на пашнях венчает обильные  
всходы  
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье  
И тайные сны неподвижных больших деревень.  
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,  
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный бывший  
десантник  
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,  
Что ночью промчался какой-то таинственный  
всадник,  
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

## ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

*Вл. Соколову*

Звезда полей во мгле заледенелой,  
Остановившись, смотрит в полынью.  
Уж на часах двенадцать прозвенело,  
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений  
Я вспоминал, как тихо за холмом  
Она горит над золотом осенним,  
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,  
Для всех тревожных жителей земли,  
Своим лучом приветливым касаясь  
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,  
Она восходит ярче и полней,  
И счастлив я, пока на свете белом  
Горит, горит звезда моих полей...

## О МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Бессмертное величие Кремля  
Невыразимо смертными словами!  
В твоей судьбе, — о, русская земля! —  
В твоей глуши с лесами и холмами,  
Где смутной грустью веет старина,  
Где было все: смирение и гордыня —  
Навек слышна, навек озарена,  
Утверждена московская твердыня!

Мрачнее тучи грозный Иоанн  
Под ледяными взглядами боярства  
Здесь исцелял невзгоды государства,  
Скрывая боль своих душевных ран.  
И смутно мне далекий слышен звон:  
То скорбный он, то гневный и державный!  
Бежал отсюда сам Наполеон,  
Покрылся снегом путь его бесславный...

Да! Он земной! От пушек и ножа  
Здесь кровь лилась... Он грозной  
был твердыней!

Пред ним склонялись мысли и душа,  
Как перед славной воинской святыней.  
Но как — взгляните — чуден этот вид!  
Остановитесь тихо в день воскресный —  
Ну не мираж ли сказочно-небесный —  
Возник пред вами, реет и горит?

И я молюсь — о, русская земля! —  
Не на твои забытые иконы,  
Молюсь на лик священного Кремля  
И на его таинственные звоны...

## ВСТРЕЧА

— Как сильно изменился ты! —  
Воскликнул я. И друг опешил.  
И стал печальней сироты...  
Но я, смеясь, его утешил:  
— Меняя прежние черты,  
Меняя возраст, гнев и милость,  
Не только я, не только ты,  
А вся Россия изменилась!..



Сам ехал бы  
и правил,  
Да мне дороги нет...

\* \* \*

Я умру в крещенские морозы.  
Я умру, когда трещат березы.  
А весною ужас будет полный:  
На погост речные хлынут волны!  
Из моей затопленной могилы  
Гроб всплывет, забытый и унылый.  
Разобьется с треском,  
и в потемки  
Уплывут ужасные обломки.  
Сам не знаю, что это такое...  
Я не верю вечности покоя!

## ДО КОНЦА

До конца,  
До тихого креста  
Пусть душа  
Останется чиста!  
Перед этой  
Желтой, захолустной  
Стороной березовой  
Моей,  
Перед жнивой



Пасмурной и грустной  
В дни осенних  
Горестных дождей,  
Перед этим  
Строгим сельсоветом,  
Перед этим  
Стадом у моста,  
Перед всем  
Старинным белым светом  
Я клянусь:  
Душа моя чиста.

Пусть она  
Останется чиста  
До конца,  
До смертною креста!

## СЕРГЕЙ ЧУХИН

---

\* \* \*

Друзей потянет кочевать,  
А ты у осени попросишь  
Бумаги лист, оконца просишь  
И деревянную кровать.

Листва засыплет водоем,  
Придет спокойная погода.  
Пройдет скрипучая подвода —  
И день потянется за днем.

Настроив душу на добро,  
На чистоту лесной бересты,  
Понять природу так же просто,  
Как птице обронить перо...

\* \* \*

Прошла машина, тяжело дыша.  
Осела пыль — и прояснились дали.  
Куда спешить и жать на все педали?  
Угомонись, веселая душа!

Стоит такой божественный закат,  
Раздольно так и широко пылает,  
И облака лучами подпирает,  
И я закату, словно другу, рад.

И вообще идетя мне легко!  
То под кустом увижу медуницу,  
А то спугну загадочную птицу  
И взглядом провожаю далеко.

Куда спешить... И я домой не рвусь,  
Я предаюсь нежданному покою.  
Запомнись же, запомнись мне такою,  
Вечерняя и дорогая Русь!

А ты, душа, притихни поскорей,  
Угомонись и полюби дорогу,  
Что к лесу подается понемногу,  
Как память сердца к юности моей...

\* \* \*

Не забывай минувшие печали,  
Любовь найдя и доброту найдя.  
А если позабудешь, то едва ли  
Они опять не посетят тебя.

Ни прежние надежды и ни вера  
Тебя не отрезвят, и потому  
Былая боль — единственная мера  
Сегодняшнему счастью твоему.

\* \* \*

Благословенны дни покоя.  
Милы, безоблачны, близки  
И эти лодки на приколе,  
И всплески мягкие реки.

Вода, пронизанная светом  
(Она теплей под вечера),  
Рыбак, пришедший за советом,  
Полны приветов и добра.

И ветер, облетая сушу,  
Незримо, но наверняка  
В людей свою вдыхает душу,  
Как в деревья. Как в облака.

\* \* \*

Кончилось осеннее ненастье,  
Ожили озимые в земле.  
Разве это не большое счастье  
На Руси, забывшей о тепле?

Так светло, что о зиме не думно,  
Курят, балагурят мужики.  
А давно поленницы обдуло,  
И пора бы им в дрованики.  
Не найдешь в деревне человека,  
Что хотя бы с виду был сердит.  
Как начало золотого века,  
Золотой денек такой стоит.  
Кончилось осеннее ненастье,  
Вот и перемена на земле,  
Вот и снова привалило счастье  
Людям, позабывшим о тепле.

\* \* \*

Работай, друг мой,  
Душою чист,  
Один проходи  
Науку.  
По праву руку—  
Бумаги лист,  
И сердце —  
По леву руку.  
Но легче будет писать  
Вдвоем,  
Если,  
Навек условясь,  
Рядом с тобою —  
Поводырем  
Незамутненная

Совесть.  
А трудно станет  
В пургу и свист,  
Поделят поровну  
Муку:  
По праву руку —  
Бумаги лист  
И сердце —  
По леву руку.

\* \* \*

Осенняя заря, заря глубокая  
Горит и гаснет через полчаса.  
И только птаха, птаха одинокая  
Пустынные пронзает небеса.  
Ни шороха, ни звука постороннего,  
И летние туманы отцвели...  
А сколько гроз высоких похоронено  
Здесь, под напластованьями земли!  
А сколько вдоль дороги пораскидано  
И строгих дум, и песен без вина...  
Чего родной землей не перевидано,  
Чего не переслышала она!  
Чего не повидали эти поженки,  
Где ивняки толпятся по краям,  
Где нежно прилегают подорожники  
К неизлечимым рваным колеям.  
Но говорить о прожитом не хватит ли?  
Порой колюча память, как жнивье.

И разве сын напомним старой матери  
О возрасте и хворости ее?  
Усталая, безмолвная, ранимая,  
Пусть отдохнет земля моя, пока  
Вечерняя заря, заря равнинная  
Свой бледный отблеск шлет на облака.

\* \* \*

Такое дождливое лето,  
Какого не помнят давно:  
Ни солнышком не обогрето,  
Ни ягодою не красно.

Одно остается — работа,  
Всегда остается одно.  
Забудешься — и неохота  
Глядеть понапрасну в окно.

С вестями не ждешь почтальона,  
Какой по дождю почтальон!  
А песня дождя монотонна,  
Наводит на дрему и сон.

Притихли деревня и поле.  
Мир холоден, черен и гол.  
Какой-нибудь пьяница, что ли,  
По улице с песней прошел!

И странное чувство такое  
Преследует душу, как бред:  
Среди тишины и покоя  
Как раз вот покоя и нет.

\* \* \*

И наша не хуже эпоха  
Иных, отзвеневших эпох.  
Случалось, жилали без вздоха  
И перепало под вздох.  
Случалось, на праздниках пляшем,  
Полынные песни поем,  
А то на коровушках пашем,  
На танки с винтовками прем.  
Летим над Землею в ракете,  
Меняем лицо деревень...  
За прошлое тоже в ответе,  
Не только за будущий день.  
Историю выучив в школе,  
Мы поняли — слава одна  
У тех, что на Марсовом поле,  
С солдатами Бородина.  
И, помня былого уроки,  
Над Родиной солнце и дым,  
Мы чистые наши истоки  
Мутить никому не дадим.  
Корежим, и строим, и пашем,  
Безмерны в труде и любви.  
И силушка дедичей наших



Гуляет по нашей крови.  
Написано если на доле,  
Ответим своей головой  
За каждое русское поле,  
За молот и серп полевой.

\* \* \*

Среди разгула и разбоя,  
Обмана и борьбы за власть,  
Держи на памяти такое,  
Что выручит, не даст пропасть.

Пускай душа зайдется в крике,  
Но — отложи пока перо,—  
И вспомни о лесной бруснике,  
О том, как было все добро.

Припоминая север милый,  
Своих товарищей, подруг,  
Душа воспрянет с новой силой,  
И разорвет печальный круг.

Сейчас ничто не украшает  
Твоей судьбы — и потому  
Былое часто утешает,  
Давай поклонимся ему.

Вот этой рощице зеленой,  
Откуда в жизнь вошли грехи,  
Где ты, счастливый и влюбленный,  
Писал счастливые стихи.

### ПАМЯТИ А. Я. ЯШИНА

Все горевало. Все скорбило.  
Дожди ничем не укротить...  
Его последней волей было:  
На родине похоронить.  
И встала радуга в полете,  
Когда среди родных, друзей  
Его в печальном самолете  
Везли к родной земле своей.  
Его везли над той землею,  
Где исходил он босиком  
Луга с шелковою травой,  
Реку с поникшим ивняком.  
Ах, тихий земляничный холмик,  
И ты, вечерняя звезда,  
Он так любил вас, так вас помнил, —  
Теперь он с вами навсегда.  
Но сколько б лет ни пролетело,  
Ни прокатилось бы дождей, —  
Земле досталось только тело,  
Душа его — среди людей.

## ВСТУПЛЕНИЕ

У каждого свой путь и берег,  
Но зря иных  
Манит опять  
Открытие вторых Америк.  
Россию надо открывать!

\* \* \*

Тропа раздвинула деревья.  
Невольно ускоряю шаг.  
И вот она, моя деревня! —  
Часовня, домики, овраг.  
На крыши темные, косые  
Гляжу, волнуясь, не дыша..  
Деревня — не лицо России, -  
Душа.

\* \* \*

Месяц, а не день, не два,  
Как тебя не вижу я,  
И твержу, твержу слова:  
Выдержу и выживу!

Долго глаз мне не сомкнуть  
С памятью непрощенной...  
Хоть приснись на пять минут,  
Милый мой, хороший мой!

\* \* \*

Мы не все друг другу рассказали —  
Лишь обломки чувств, обрывки речи.  
В нашей жизни, словно на вокзале,  
Только расставания и встречи.  
Только встречи те уж очень кратки  
И стократ длиннее расставанья.  
Встретиться нельзя нам без оглядки,  
А легко ль любить на расстояньи?  
Да и кратких встреч не так уж много —  
Тем дороже ласковое слово.

Пред тобою — долгая дорога,  
Предо мною — ожиданье снова.  
Вот опять не те слова сказали,  
Душу понапрасну беспокоя,  
Вот и снова я, как на вокзале, —  
Все машу вослед тебе рукою.

\* \* \*

Ох, как жду я твоего ответа  
Каждый день с надеждою шемящей,  
Но опять сегодня: «Писем негу!» —  
Мне ответил мой почтовый ящик.  
И смотрю я на него в смущенье,  
Будто он сейчас всему основа.  
Но какое мне принять решение?  
Может быть, к тебе поехать снова?

\* \* \*

Я хотела тебя забыть,  
Но в мечтах ты и днем, и ночью.  
Посоветуй же, как мне быть,  
Если сердце забыть не хочет?

Нет, не сможешь ты мне помочь...  
Строчки, строчки... ложатся сами.  
Их не я пишу, это ночь  
О тебе говорит стихами.

\* \* \*

Ах, поезд, поезд!  
Обрывки речи  
Да мимолетная  
Прелесть встречи,  
Где — только взглядом,  
Да сядешь рядом,  
Да скажешь слово —  
И выйдешь снова!  
А поезд мчится  
Все дальше, дальше,  
Вагон на рельсах  
Танцует вальсы.

\* \* \*

Оттрещал январь, и март растаял.  
И душисто лето отцвело,  
К югу повернули птичьи стаи,  
Вновь деревья снегом замело.  
Год как день прошел.  
Но повторится!  
Пусть подольше это чудо длится.

## В ПОЛЕ

Ну, здравствуй, некошенный луг.  
Привет тебе, поле родное!  
Какое раздолье вокруг!  
Все полно красой и покоем.  
Здесь скромно травинки цветут,  
И смотрят открыто ромашки,  
И через тропинку бегут —  
Торопятся с чем-то букашки.  
И столько вокруг синевы,  
Полднего яркого зноя!  
Здесь сразу забудете вы  
Все мелкое, чуждое, злое.  
Как я, посмотрите в зенит —  
Там столько добра и простора,  
И песня оттуда звенит  
Про что-то свое и простое.

## У ПАМЯТНИКА РУБЦОВУ

Ты жил, как Бог, без хлеба и без крыши,  
Любой приют — твой временный причал.  
Ты говорил — народ тебя не слышал,  
Народ других провидцев привечал.  
Давно звенит твое святое имя.  
И все, твоей причастные судьбе,—  
Провидцы — оказались вдруг слепыми...  
О, как они завидуют тебе!

## ЗВЕЗДА

*Сергею Алексееву*

Ночь была очень звездной, когда  
Меня мама на печке рожала.  
За трубу зацепилась звезда  
И на крыше моей ночевала.  
Тут отец поспешил на прием,  
Он пупок завязал так умело!  
А звезда своим синим огнем  
Обожгла мою душу и тело.  
И с тех пор так любя мне земля  
И небесные манят чертоги,  
Но с тех пор постоянно болят  
Эти звездные злые ожоги.



## СОЛДАТ

В высоком звании солдата  
Прошел он до конца войны.  
Лицо от пороха щербато  
И на руках рубцы видны.

Теперь он стар. В запас не годам.  
И оттого, взгрустнув порой,  
Он ищет карточку в комодке,  
Ту, на которой молодой.

А там, завернуты в бумагу,  
Полузабытые лежат  
За Бухарест, Берлин и Прагу  
Медали, что принес солдат.

И вновь в огне душа солдата.  
Стоит, впервые удивлен,  
Что пол-Европы смог когда-то  
Пройти не кто-нибудь, а он!

## 21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Зеленое и голубое  
Теплом провеяно насквозь.  
Исходит светом — глянуть больно  
На деревенских крышах тес.  
И жизнь обычная, как солнце,  
Как небо и трава кругом,  
То просверкнет и отзовется  
С колодца радостным ведром.  
То озарит на миг из кухонь  
Улыбкой женской широко,  
То опахнет горячим духом  
Величественных пирогов,  
То рассмешит мальчонкой малым,  
Бегущим просто голышом  
В траву, в кусты, куда попало —  
Везде тепло и хорошо!  
И никого, хотя бы смутно,  
Не колет в сердце, что идут  
Уже особые минуты,  
И меньше, меньше тех минут.  
А мужики возле колодца  
Скликают баб на сенокос  
И, ожидая, как ведется,  
Толкуют в шутку и всерьез  
О молодухках и попутно  
О женах собственных, о том...  
Но тут последняя минута  
Обрушивает черный гром!  
Война!.. Мы помним это, помним.

Вот он сейчас передо мной,  
Такой доверчивый, зеленый,  
Последний день перед войной.  
Когда б заранее обозначен  
Он был, то каждый бы из нас,  
Конечно, жил мудрей, иначе,  
Чтоб не казниться в горький час.  
Увы! Такого не бывало.  
И этот день уже давно  
Сгорел за красным перевалом,  
Но все равно, но все равно,  
Лишь календарь приблизит время,  
Смотрю: седые старики  
Июньским вечером в деревне  
Сидят, и взгляды их горьки.  
И женщины, седые тоже,  
Сойдутся где-нибудь к окну.  
Их никому нельзя тревожить  
Вот в этот горестный канун.  
Я чувствую, как у России  
Душа опять напряжена,  
И, будто нерв, задетый сильно,  
Пронзает мысль: зачем война?..  
Зеленое и голубое  
Теплом провеяно насквозь,  
И так сияют — глянуть больно —  
И крыши, и стволы берез.

\* \* \*

Земля отцов и дедов, та земля,  
Где кустики ольховые в межполье,  
Дала мне все, ничем не обделя:  
Ни радостью, ни гордостью, ни болью.

А под ногами глина да песок  
Да вперемежку скудные подзолы.  
Но первый для меня ржаной кусок  
Вращен на этих пашнях невеселых.

А под окошком серый журавель —  
Из всех домашних птицы нет домашней —  
Мне доставал, чтоб рос и здоровел,  
Воды, бегущей из-под этих пашен.

А надо мной в морщинках потолок,  
Как будто материнские ладони,  
Чтоб просыпаться я без страха мог  
И чтоб навек запомнил все родное...

Без этих ольх, что скромно так цвели,  
Без этих глин, что в детстве мы месили,  
И без любви к углу такой земли  
Откуда взяться и любви к России?

Вот почему березы для меня,  
Да и для всех отзывчивых и чутких,  
Белеют всюду, словно письма  
Далеких предков, свернутые в трубки.

## ГОДЫ

Я жил, порой в размахе крут.  
Порой в речах не гибок,  
И верил: годы подойдут  
Без срывов и ошибок.  
Я буду мудр, как старый лось,  
Который без запинки  
Находит, где б ни привелось,  
Все выходы-тропинки.  
Но годы шли, я замечал,  
Что ждать и верить мало,  
Что всех желаемых начал  
В тебе самом начало.  
Что нет такой поры, мил друг,  
За перевалом дальним,  
В которой ты предстал бы вдруг  
Почти что идеальным.  
Нам время краткое дано —  
Ломай себя и чисти  
И в буднях, будто сквозь рядно,  
Добудь крупицы истин...

## БАБКИН СЫН

— Как зовут тебя?  
— Сережка.  
— Ну а чей ты?  
— Бабкин сын...—  
Петушком кричит гармошка,

И поет в ресницах синь.  
Он играет, выгибая  
Перья красные мехов.  
К старикам, что строят баню,  
Вновь идет средь лопухов.  
— Э, гляди, пришел помощник, —  
Улыбаются они.  
— Да носишко-то не морщи,  
Кверху, кверху нос тяни!.—  
И, оставив пах мохнатый,  
Никнут ласкою седин.  
— Ну, играть покуда хватит,  
Помогай нам, бабкин сын, —  
И мальчонка мох подносит,  
Да бегом-то, все бегом,  
Вытирая с переносья  
Бисеринки рукавом.  
Хвалят парня, горечь спрятав,  
Словно в мох, в пучки бровей:  
— Ну, Сережка, ты — старатель,  
Будешь плотником, ей-ей! —  
Мастера кивают важно  
И с оглядкой, без мальчика,  
По-мужицки, трехэтажно,  
Кроют беглого отца:  
— Где-то шляется, кудлатый.  
— Ну, а мать? — Ох, эта мать,  
Тоже бросилась куда-то  
Пристань новую искать.  
И ни писем, и ни денег.  
И живет Сережка тут.

Бабка вырастит, оденет:  
Бабке пенсию дают. —  
«Что-то будет, что-то будет?»  
Выбивают молотки,  
Словно тишь глухую будят  
На стропилах старики.  
Сверху им щемяще видно,  
Как, покуда без обид,  
Васильково и наивно  
Безотцовщина глядит.

\* \* \*

В молчанье я стою один,  
Где проходила ты когда-то.  
Лишь кисти грузные рябин  
Теперь висят краснозакатно.  
О чем молчишь — то и твое.  
А только выскажешь — чужое.  
И как туманы над жнивьем,  
Плывет затишье над душою.  
Лишь этой истиной жива,  
Душа всегда того страшится,  
Что сразу выступят слова  
Все то, что пламенем тaitся.  
И, вея далью той,  
Людей связует исстари  
Высокой добротой.



И было то, и это было...  
Да, все бывало на Руси.  
Спроси великие могилы  
И безымянные спроси.

Читаю древние страницы —  
Они теперь мне все нужней —  
И вижу лица, лица, лица  
Обеспокоенных мужей.

Век золотой, в каком он веке,  
В каких же насыпях следы?  
Во все века врагов набегу,  
И ратоборство, и труды.

И в стольном Киеве когда-то  
Не ради княжеской тщеты  
Висели в золотой палате  
Мечи, шеломы и шиты.

И сотни раз всходили травы,  
Но средь и нынешней травы,  
Как городских твердынь оправы,  
Валы и рвы, валы и рвы.



И мировые поединки  
Не столь далеких, грозных лет.  
На стенах снимки, снимки, снимки —  
Окопный след, траншейный след.

Какие были потрясения!  
А что там, что там — впереди?  
Всем существом — веками всеми —  
Ты, русский человек, гляди.

### КРАСНЫЕ ТУЧИ

Люблю, как надвинутся с кручи,  
Столкнутся один на один  
Грозы темно-синие тучи  
И красные тучи рябин.

В кипенье раскатном и грозном  
Швыряет разгневанный лес  
Охапками крупные гроздья.  
В разломы и окна небес.

Рассеются темные тучи,  
А красные, радуя взгляд,  
Еще ослепительней, жгуче  
От молний упавших горят.

Горят над полями, домами,  
Над Русью, опять голубой,  
Над нашим крыльцом и над нами,  
Все годы над нами с тобой.

Над ранней и поздней любовью,  
Над песнями прожитых лет,  
Над жизнью, над смертью, над болью,  
Над теми, кого уже нет.

## РОДНАЯ МЕСТНОСТЬ

Земли-то, собственно, — кружок,  
Обвитый синим лесом.  
Река блестит наискосок  
Под ивовым навесом.

Деревни тянутся к реке  
От ягодной опушки,  
И белый камень вдалеке  
Разрушенной церквушки...

Всю местность, всех дорог витье  
Пройти и дня хватало,  
Но наглядеться на нее  
И целой жизни мало.

\* \* \*

Скончался человек,  
Простой крестьянин.  
Не раз бывал за век  
Делами славен.  
На кладбище сошлись  
И на поминки.  
И снова жизнь — как жизнь  
И нет заминки.  
Лишь тропка до конца  
Заиндевила.  
Лопата у крыльца  
Стоит без дела.  
Лишь только черный кот  
След обозначит,  
Сидит у двери, ждет,  
Как будто плачет.  
Но безответен дом.  
И снег уныло  
Летит... А в остальном  
Все так, как было.

\* \* \*

В родной избе, под теплым боком печи  
Мне спится так, как не спалось давно.  
Уму раздольней здесь и сердцу легче,  
И дождиком завешено окно.

Но мир не скрыт за скудными лесами,  
Но мир безумный — он, чужой, и здесь.  
Орет с простенка злыми голосами,  
Плетет обман и набивает спесь.

И что в нас за доверчивость такая?  
Ведь столько претерпели мы в судьбе,  
А этим вражьи толкам потакая,  
Вновь забываем о самих себе...

Как бесий хвост, как свищ змееподобный,  
Шнур из розетки вырву и вздохну:  
Вот, наконец, я человек свободный —  
Не в теле-, не в радиоплену!

И счастлив тем, что на разломе страшном  
Есть у меня в тылу — в краю родном  
Не особняк, не крепость и не башня,  
А златостенный деревенский дом.

\* \* \*

*Александру Хазову*

Жизнь извелась на родине моей.  
Одни надежды остаются старые.  
Березы у заброшенных полей  
Кипят, как золотые самовары.

Прилягу на душистый бережок,  
На солнцепек, на ветерок прилягу.  
Всю жизнь в дороге, а никто не мог  
Во мне признать страдальца и бродягу.

Никто не видел обжигавших слез.  
Я лишь поклоны оставлял на память  
И боль свою от родины унес,  
Чтоб ей своих печалей не прибавить.

А в смертный час, наверно, оглянусь:  
У дней минувших человечьи лица.  
Глаза, глаза... И в них страдает Русь  
Нам надо жить! Нам некого страшиться!

### **О, РУСЬ!..**

Охамив, извратив, исковеркав  
Путь и славу в славянской судьбе,  
Все злодейства двадцатого века  
Прокатились, о, Русь, по тебе.

Положила великие силы,  
А к добру ль эта бездна потерь!  
Прежде рабством тебя поносили,  
И холопством поносят теперь.

Даже имя твое отнимали,  
Чтоб не пело на картах земли.  
Лишь преданья да гордые дали  
Для потомства его сберегли.

Ты сразила несметные орды,  
Налетавшие с воем из тьмы.  
Предки были оседлы и горды...  
Ну, а мы? Разве русские мы?

Разбредились, раскатились, распались,  
Растрясли всероссийскую честь...  
Где же ты, наша мудрость и ярость,  
Чтоб опомниться: русские есть!

## ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

---

\* \* \*

Они выпадают безбольно  
(Лишь пальцем шатни — и готов)  
Из памяти нашей дошкольной  
Молочные зубы годов.  
Но это я крепко запомнил:  
Сирены воздушных тревог,  
И как попадало за то мне,  
Что старших дожидаться не мог —  
Задолго съедал до обеда  
Кусок, что припрятала мать.  
Давно отгремела Победа,  
И стоит ли копыа ломать —  
Беречь — не беречь: хлеба — море,  
Валюты не скуден запас.  
А страшно: неужто лишь горе  
Способно воспитывать нас?

\* \* \*

В краю, где не было войны,  
На тишине рассвет настоян,  
Над Белым озером туман.

У обелиска павшим стоя,  
Встречает праздник ветеран.  
Встречает новый День Победы —  
А он уже сороковой —  
И в такт невидимой беседе  
Седой качает головой.  
Хоть враг отсюда был неблизко,  
Орудий залпы не слышны —  
Но как длинны погибших списки  
В краю, где не было войны.

\* \* \*

Огорода не копаю,  
Не колю для печки дров,  
У костра не засыпаю,  
Отгоняя комаров.  
И под северным сияньем  
У России на краю  
Я на грани замерзанья  
С автоматом не стою.  
Сам себя не понимаю:  
Чем судьба не хороша? —  
Ничего не поднимаю  
Тяжелей карандаша.  
Жизнь как будто без печали,  
Без неровной колеи.  
До чего же измельчали  
Все заботушки мои.



\* \* \*

Все это было так давно,  
Что видится как бы в тумане.  
Смотреть трофейное кино  
Мы собирались на поляне.  
И голодно — почти невмочь,  
И мошкара ползла в глаза нам,  
Но с простыни экрана в ночь  
Летел призывный клич Тарзана.  
Он заставлял забыть про хлеб,  
Он потрясал воображение...  
О, хоть одно сегодня мне б  
Такое кинопотрясение!

\* \* \*

Выходит в море пароход,  
Выходит в море.  
Привычно думает народ  
О разном вздоре:  
Валюта, ужин... Боже мой!  
Уже качает,  
А след мерцает за кормой,  
Наш путь венчает.  
Завинчивается вода  
И пузырится,  
Потом отстанет навсегда  
И усмирится.

И я и все, как этот след:  
Дни скоротечны.  
А берегам износа нет,  
А волны вечны.

\* \* \*

Говорят, у нас лентяев много, —  
Им бы покурить да отдохнуть.  
Говорят, что русские не могут  
Хорошо работать — в этом суть.

Могут. И не хуже всяких прочих.  
И примеров тут не занимать.  
Но людей с земли прогнали отчей,  
Все отняли, что могли отнять.

Отравили праведные души,  
Захламили ясные умы,  
Научили пить да бить баклуши,  
Довели Россию до сумы.

И леса и горы разорили,  
Реки вспять хотели повернуть.  
И дошло до точки: или — или,  
Быть — не быть нам завтра. В этом суть.

## БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На кручах, в парках, у вокзалов...  
Железом, кровью и золой  
Судьбина  
Намертво связала  
Солдат  
С родимую землей.

Они ей жизнь завоевали —  
Она покой сынов хранит.  
Тогда они  
                  на ней  
                                  стояли,  
Теперь она  
                  на них  
                                  стоит!

## УЧЕНЬЯ

Полк на рассвете поднят по тревоге,  
Казарма оглушительно гремит,  
И автоматы  
В заданные сроки  
Разобраны из длинных пирамид.

Вытаскивают ящики наружу,  
Мотая вещмешками на горбе,  
Товарищи по грозному оружию  
И братья по неласковой судьбе.  
Они несутся с хлюпаньем по грязи,  
В сухой гортани сдерживая хрип,  
И ходят на щеках противогазы,  
Как жабры задышающихся рыб.  
Весь гарнизон поставлен на колеса,  
И, словно в деле с нами заодно,  
Деревья маскируются под осень,  
А небо — под шинельное сукно.  
А вездеходы мелют на опушке  
Тенистую лесную тишину.

И дети  
Забывают про игрушки,  
Когда играют взрослые  
В войну.

\* \* \*

Под небом полярным, где глухо и топко,  
Стоит на часах караульная сопка.

Над нею плывут облака и туманы,  
За ней наблюдают посольства и страны.

И к ней же — на грани взрывного момента —  
Прикованы взоры всего континента.

Под сопкой скрипят беспокойные елки  
И воют зимой одинокие волки.

Она не задремлет под ветрами с моря,  
Поскольку давно в постоянном дозоре.

Бессменно стоять на окрайке болота —  
Такая у ней на сегодня работа.

...Давно я, поверив в солдатскую дружбу,  
Закончил свою караульную службу.

Но станет порой мне тревожно и знобко,  
Лишь вспомнится та заполярная сопка,

Где в гулких казармах, в жаре и метели,  
Кленовые годы мои отгорели.

Но как бы ни сетовал я на усталость —  
Я нынче в запасе, а сопка осталась.

Я в бороздах резких всю жизнь ее вижу,  
Но словом слезливым ее не унижу.

Ведь миру служить — пусть и возле болота —  
Достойная в общем судьба и работа.

## НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА ПОБЕДЫ в 1952 году

В прокоптелых столовках и чайных,  
О былом позабыть не вольны,  
Собираются —

вроде случайно —

Ветераны Великой войны.

И блюстителей штатных команда,

Незаконных распивок гроза,

На священную их контрабанду

Закрывает терпимо глаза.

Не впервой на веку ветеранам,

В одиночку не ученым пить,

По пустым рукавам

И по шрамам

В незнакомцах

Друзей находить.

Приглушенно прозвякают грани —

И откинет тяжелую дверь,

Погасив на окошках герани,

Черный ветер разлук и потерь.

От разрывов запляшут тарелки,

В рамах треснет,

дымясь, переплет,

И со стен

от ночной перестрелки

Штукатурка крошиться начнет.

Пулеметная очередь сзади

Полоснет,

раскатясь в ивняке, —

И уборщица старая сядет  
В уголок,  
                    вспомняв о сынке.  
Над упавшим  
                    под Прагою взводным  
Втихомолку  
                    наплачется мать.  
Ей никто не напомним сегодня,  
Что пора со столов убирать.  
Только после —  
                    такие ж сыночки,  
Обманувшие случаем смерть, —  
На прощанье  
О синем платочке  
Ей, забывшись,  
                    попробуют спеть.  
И, не зная.  
Чем женщине старой  
Отплатить за привет и приют,  
Пол-угла опорожненной тары  
Да тарелку печенья  
                    сдадут.  
Их проводит она без укору  
И, устало платок подвязав,  
Незаметно поможет саперу  
Подвернуть  
У фуфайки рукав.

## ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Не все входили в села с песней,  
Кому вернуться привелось...  
На битву отправлялись  
Вместе,  
А с битвы возвращались  
Врозь.  
Четыре годика отбухав,  
Мужья о женах молодых  
В селе не собирали слухов —  
Им на дом  
Доставляли их.  
Боясь в сердцах  
С руки разделки,  
Не рвали с кованцов вожжей,  
Но долго  
Из одной тарелки  
Не ели с вольницами  
Щей.  
И по-солдатски были правы,  
С родимой требуя земли  
Такой же памяти и славы,  
Какую сами пронесли.  
Хлестали спирт —  
до отвращения,  
По суткам не смыкали глаз.  
Видать, наука всепрощенья  
Не первым приступом  
Далась.



Но, в мирный втягиваясь быт,  
Всего, что жжет в душе и теле,  
Пусть не умели позабыть —  
Зато не поминать  
Умели.  
А как им помогли года  
Увидеть все в разумном свете —  
Ни от кого  
И никогда  
Про это знать  
Не будут дети.  
Им и своих достанет дел.  
И в сущности,  
Беда одна лишь:  
Ведь как бы разум ни хотел,  
А на войну  
Всего не свалишь...

\* \* \*

Счастлив я в своем добре и хude,  
Потому что — с маковкой Кремля —  
У меня была, и есть, и будет  
Издавна родимая земля.  
Вот она, моя березка детства,  
Вот мои луга, река и лес...  
Век смотри — и все не наглядеться,  
Век живи — и все не надоест.  
Прославляя дедовские дали,

Не соврү, свою жалея честь,  
Будто ни тревог и ни печали  
Отродясь не видывал я здесь.  
Но придет нужда родному краю  
Собирать сынов в стальную рать —  
Я по крайней мере знал и знаю,  
За какую землю умирать.

\* \* \*

Ну что, казалось бы, такого...  
А я ликую и свечусь,  
Едва услышу это слово  
Совсем коротенькое —  
Русь.

И волны вновь отпрянут с мола,  
И солнце двинется в обход,  
А из распахнутого дола  
Грозой и порохом пахнет.

Замрет звезда сторожевая —  
И не постичь умом уже,  
Какие связи оживают  
И что творится там,  
В душе,

Что жизнь готов отдать задаром,  
Когда, раздвинув берега,

Дохнут в лицо  
Морозным жаром  
Родные  
Русские снега.

\* \* \*

Шумит,  
                  наливается поле,  
И речка блестит у леска.  
Повсюду такое раздолье,  
А сердце сжимает  
Тоска.

А сердце затравленно бьется,  
Не помня любимых страниц,  
Не видя умытого солнца,  
Не слыша очнувшихся птиц.

Не радо погоде хорошей,  
Не радо воде ключевой.  
И только больнее  
                                  и горше,  
Когда не поймешь — Отчего...

Какое все-таки блаженство  
В траве раскинувшись лежать,  
Ни словом суетным,  
Ни жестом  
Движенью жизни не мешать.  
Когда,

забыв о прежних муках,  
Довольный всей своей судьбой.  
Зеленый мир  
В цветах и звуках  
Стоит,

как праздник, пред тобой.  
Пускай в листве большого дуба,  
Перебирая дни свои,  
Как мужики,

свежо и грубо  
О жизни судят воробьи.  
И в ожиданье белой ночи  
Благоухает белый сад.  
Пускай кузнечики стрекочут,  
Жуки навозные ворчат.  
И не пугает слишком ныне  
Средь неизбежных перемен,  
Что смерть когда-то все отнимет  
И ничего не даст взамен.  
Пусть лучше думается смело —  
И прежде прочего всего, —  
Что в жизни делается дело  
Не без участия моего.

Что этот свет мне все дороже,  
И я ищу все больших дел  
Не потому,  
                                что стал моложе,  
А потому,  
                                что не старел.

\* \* \*

Ее детей убили на войне,  
Здоровых,  
                                жизнерадостных,  
  красивых.  
С тех пор она живет как бы во сне,  
И люди разбудить ее не в силах.  
Она встает,  
                                пока не рассвело,  
Каким-то важным занятая делом,  
И, торопясь, уходит за село,  
Серьезная,  
С лицом окаменелым.  
Ее встречают жители села  
То в поле,  
То в лесу,  
То на кладбище...  
Она все эти годы  
                                что-то ищет,  
Хоть ничего ни разу не нашла.  
И, выдержав ее тяжелый взгляд,  
Ей улыбнутся женщины со вздохом:

«Как нынче потрудилась?» —  
говорят.

Она кивает сдержанно:  
«Неплохо».

А лишь начнет холодный ветер выть  
— Бабенки

С немудреной снедью в блюде  
К ней зачествят:

Печурку потопить  
Да покормить,  
А то сама забудет...

Все кажется им,  
меченным бедой:

Какая-то неведомая сила  
За всех одной —

Почти самой святой —

Так тяжело отстрадать постановила.

Они ожгут крапивой забияк,  
Что вздумают потешиться над старой,  
И припугнут, беспутных, божьей карой,  
И съежятся нутром,

представив, как

Одна

Вдали от дома своего

Все ходит, ходит женщина седая,

Все ищет, ищет, бедная, чего,

Быть может, и в природе не бывает...

Спасибо, Родина, за эту  
 Растворенную синеву,  
 Ветлу,  
 Повернутую к свету,  
 Под нею —  
 Свежую траву.

За смех у старого колодца  
 И шум у нового крыльца,  
 За нерастраченное солнце  
 И уцелевшего скворца.

Спасибо,  
                                 матушка родная,  
 Спасибо,  
                                 твердь моя и честь.  
 За то,  
                                 что ты всегда такая,  
 Какая только ты и есть;

За непохожесть и пригожесть,  
 За светлый лик,  
 Прямую статью  
 И за счастливую возможность  
 С тобою вместе  
 Пребывать.

\* \* \*

Большая Родина без малой  
Не то что слишком велика,  
А как бы дом родной — без мамы,  
Без дела — мамина рука,—  
Непредставима, неконкретна,  
Не столь заботлива, тепла...  
Ах, малой родины примета —  
Четыре жерди, два кола,  
Над ними — рдяная рябина!  
За ними — тропка до крыльца,—  
Да, это ты, мой край родимый,  
Край дедов, мамы и отца.  
Отчизна, Родина, опора,  
Мое спасенье в час лихой,  
И во спасение которой  
На смертный бой готов любой.

\* \* \*

Шорох ветра, рокот грома,  
Всполох молнии во мгле...  
Счастлив тот, кто счастлив дома,  
На своей родной земле.



Ничего душа не просит,  
До краев она полна  
Звоном зреющих колосьев,  
Синевой небес и льна,

Шумом леса, ароматом  
Трав, журчаньем родника,  
Сластью ягоды несмятой,  
Статью первого грибка.

А уж если из залесья —  
Да гармонии перебор,  
Словно птица в поднебесье,  
Песня вырвется в простор!

Жизнь — не поле без огреха,  
Но сегодня — так и быть! —  
Никуда не надо ехать,  
Никуда не надо плыть.

...Ветер, ветер, вдаль влекомый,  
Сделай надпись на крыле:  
«Только тот, кто счастлив дома,  
Знает счастье на земле!»

\* \* \*

Не крестила, не благословляла,  
Не лила горячих в три струи,  
Только, пригорюнившись, стояла,

Глядя в теплый след, у вереи.  
Так — сначала муженька на фронт,  
Первенца-сынка потом — на флот,  
Там другого — в школу ФЗО,  
Третьего — «куда страна зовет»,  
Дочку — в городской «ниверситет»,  
Пятого, последыша — вослед...  
Не вернулся муж с войны — загинул.  
Оставались памятью о нем  
Пять жердинок между вереинок —  
Пять детей меж матерью-отцом.  
Постоит у мужниных завор —  
Все-таки не вовсе без опор.  
Пусть ездок запоры раскладет —  
Закладет обратный пешеход.  
Пусть не дома дочка, сыновья,  
Пишут, помнят — все-таки семья.  
...Но пошли под окнами машины,  
Вместо прежних смирных лошадей,  
И одну верейку нарушили  
Разорили гнезда для жердей.  
И пришлось заворницы убрать,  
Верее — сироткою стоять.  
Скот на поле хлебное пустить,  
Луковые грядки разорить.  
Думать-грезить: скоро ль кто-нибудь  
Вздумает на помощь заглянуть.  
Дожидалась, письмами спасалась.  
Не спаслась... Смотрю теперь и я,  
Как нас ждет, невозмогая старость.  
Под родным окошком верея.

Мой отец... он давно не с нами,  
Но, когда поют петухи,  
Под босыми его ногами  
Тихо-тихо вздыхают мхи.  
И, бледнея, смолкают березы,  
И осины дрожмя дрожат,  
И брусничник роняет росы,  
Невесомой ногой прижат.  
Но не бойтесь его, куропатки,  
Не взлетайте, тетерева!  
Не в охотничьей лихорадке  
Он приходит к вам зоревать:  
Он встает из своей могилы  
Не затем, чтобы убивать,  
У него для природы милой  
Лишь одно было имя — Мать.  
И его ли вина, что рано  
Отшумели ему леса,  
Что война причинила раны  
И закрыла навек глаза —  
Не успевшему надышаться,  
Не успевшему досмотреть,  
Не уставшему восхищаться,  
Не охрипшему песни петь?  
Но пахнуло, опять пахнуло  
Новым порохом новых битв,  
И, без страха глядевший в дуло,  
Он тревожится, он не спит.

## РОЗОВОЕ МЫЛО

В цветной бумажке розовое мыло,  
Ты пахнешь чем-то очень дорогим,  
Ты пахнешь чем-то несказанно милым.  
Но чем же? Память, память, помоги!  
Чуть уловимый запах земляники,  
Едва заметный — ржи и васильков,  
И аромат лесных тропинок диких,  
И душистый мед некошенных лугов,  
И — вместе все... Когда такое было?  
Но память вновь меня не подвела:  
Ты пахнешь Детством, розовое мыло,  
Как позабыть об этом я смогла?

...Была война. Дымы больших пожаров  
Не залетали в нашу глухомань,  
Но как-то в сельсовет пришел подарок,  
Пришла посылка с надписью: «Для бань».  
Я материнских глаз не позабыла,  
Они светились, радовались так,  
Как будто дали ей не кубик мыла,  
А самородок золота в кулак. ...  
Намытое, давно скрипело тело,  
Уж мать в предбанник выносила таз,  
Но я открыть упорно не хотела  
Зажмуренных от мыльной пены глаз.  
Тогда, впервые за четыре года,  
Мне снова пахло теплым молоком,  
И свежим хлебом, и тягучим медом,  
И васильками, и — живым отцом...

Простые звуки родины моей:  
Реки неугомонной бормотанье  
Да гулкое лесное кукованье  
Под шорох созревающих полей.  
Простые краски северных широт:  
Румяный клевер, лен голубоватый,  
Да солнца блеск, немного виноватый,  
Да облака, плывущие вразброд.  
Плывут неторопливо, словно ждут,  
Что я рванусь за ними, как когда-то...  
Но мне, теперь не меньше их крылатой,  
Мне все равно, куда они плывут.  
Мне все равно, какую из земель  
Они с высот лазурных облюбуют,  
Какие океаны околдуют  
И соберут их звонкую капель.  
Сию одну на тихом берегу,  
Варю картошку на родном огнище,  
И радость ходит по душе и брызжет,  
Как этот кипяток по чугунку.  
Другим без сожаленья отдаю  
Иных земель занятные картинки.  
...И падают веселые дождинки  
На голову счастливую мою.

Я с детства живу борьбою,  
Забыв про словцо «везет».  
Мне все достается с бою,  
Но мне достается — все.  
Сегодня — темно и трудно,  
И разум уже не прочь  
В своей правоте минутной  
Оставить — и эту ночь,  
Холодную без просвета,  
Дождливую — без надежд,  
И утлую баньку эту,  
Где бьюсь я за свой рубеж.  
Ведь рядом — дорог развилка,  
К чему мне тоска деревень?  
...Качнет язычком коптилка,  
В углу шевельнется тень,  
И ветер замрет, присвистнув,  
И вззоет вдали опять.  
И встану я, зубы стиснув,  
И сяду к столу опять.  
Не надо скулить, погода,  
Не надо скулить, поверь!  
Не лучше ли для восхода  
Попробовать сделать дверь?  
Попробуем сдвинуть тучи,  
И пусть посветит во мгле  
Надежда, что каждый лучик  
К утру заблестит на земле,  
Что солнце взойдет, не прячась,

Что счастье — любому листу...  
Я верю в свою удачу,  
Я верю в свою звезду.  
Я с детства живу борьбою,  
Забыв про словцо «везет».  
Мне все достается с бою,  
Но мне достается — все!

### НА ПИСКАРЕВСКОМ КЛАДБИЩЕ

У входа на кладбище — Вечный Огонь  
По белому снегу распластан.  
Я робко ему протянула ладонь,  
Сказала негромкое: «Здравствуй».  
И бледного пламени жадный язык,  
Как волю почуявший пленник,  
Рванулся навстречу, к ладони приник,  
Качнулся — и пал на колени.  
Змеилась поземка над зыбью могил,  
Коробили скорбные звуки.  
И сполох догадки мой ум озарил,  
Как пламя — озябшие руки.  
Кольнув, пробежал по спине холодок...  
О, пламя с глазами страдальца!  
Я вижу в тебе золотой завиток,  
Вконец исхудавшие пальцы,  
Я вижу глубокие впадины щек,  
Огромные кости суставов,  
Я вижу их — живших, не живших еще,  
Которых в ту зиму не стало.

...Пришли экскурсанты. Уютным кольцом  
От ветра Огонь заслонили,  
И он присмирел с просветленным лицом,  
Как будто его подменили.  
Как ровно, как ласково он трепетал!  
Как ясно заглядывал в души!  
И словно бы наши черты обретал,  
По-нашему сдержанно слушал.  
Но — время...

О, как он рванулся всугонь!  
Как начал по снегу метаться!  
...Нам тоже, нам тоже, товарищ Огонь,  
Непросто с тобой расставаться.

## В МАГАЗИНЕ

В магазине грампластинок —  
Молодые продавщицы,  
Покупатели — не старше  
Милovidных продавщиц.  
Всяк, войдя, хоть на полтинник,  
Хоть на рубль да разорится.  
Продавщица нежно скажет:  
«Слушай. Радуйся. Пляши».

Звуки музыки вихлястой,  
От которой мир дичает,  
Звуки грома и содома,  
Будоражающие свет...



Я хожу сюда не часто —  
Если только заскучаю  
По родительскому дому,  
Если писем долго нет.

И среди большого списка,  
Что по стенам поразвешан,  
Нахожу отдел названий,  
Сердцу очень дорогих.  
Между роков, между твистов,  
Меж крикливых завываний —  
Уцененные, как вещи, —  
Мой родной напев и стих.

Очень-очень удивится  
Молодая продавщица,  
Дважды, трижды переспросит,  
В дальний угол отойдет,  
И, совсем не скрыв, что злится  
(Мол, чего еще ни спросят!),  
Будет долго-долго рыться,  
Но пластинку мне найдет!

И закружится пластинка,  
Заведенная для пробы,  
И торжественные звуки  
Замерцают, поплывут...  
Мальчик — волосы щетинкой —  
С выражением особым  
Скажет мне: «Вы — из деревни?  
А деревню как зовут?»

И отвечу я мальчишке:  
«Я, конечно, из деревни.  
И не скрою, раз спросили,  
Из деревни из какой:  
Песни есть о ней и книжки,  
Есть о ней стихотворенья.  
И зовут ее — Россия!  
А откуда вы — такой?».»

### ИЗ ПИСЬМА МАТЕРИ

...Приезжай, моя доченька,  
Хоть на два-три денечика,  
Навести свое гнездышко,  
Подыши чистым воздушком.  
На санках с горы на гору  
Полетай легким перышком,  
Похрусти снежком сахарным,  
Сбегай к проруби с ведрышком.  
Приезжай, моя доченька,  
Испеку сладких шанежек,  
У ручья под угорчиком  
Истоплю жарко банюшку —  
Со березовым веничком,  
Со кваском да со щелоком,  
Чтобы вышли все немочи,  
Стали б косоньки шелковы!..  
За столом, за родительским  
Посиди рядом с братьями,  
Посиди рядом с братьями,

Выпей браги из братины.  
Я сама брагу делала  
Из домашнего солоду,  
Чтобы песен попела ты,  
Как певала я смолоду.  
Может, вспомнят и братья-то  
(Голоса и у них баски)  
Песню старую батькову  
Про централ Александровский.  
А и я голос выправлю  
За шитьем, за иголкою,  
Ни слезинки не выроню,  
Подтяну песню долгую.  
А топить утром стану печь,  
И всплакну (извини-прости!),  
Что не дожил Иванович  
До родительской радости...

## ПОДСНЕЖНИКИ

Рос мальчишка далеко не неженкой,  
Матери, отца почти не помнил.  
Помнил он пожары, толпы беженцев,  
Мертвецов, которых не хоронят.  
Виселицу помнил — там, на площади.  
При нужде умел, хоть и не вор был,  
Из-под носа утащить у лошади  
Ячменем наполненную торбу.  
И машину, бешено летящую,  
Мог догнать и намертво вцепиться

В жесткий борт, чтоб унести на кашу  
Под рубашкой пригоршни пшеницы.  
Рос мальчишка дерзким и насмешливым,  
С малолетства зная лишь потери,  
Не терпел ни нытиков, ни вежливых,  
В доброе добро совсем не верил.  
И не шутки ради, а сознательно  
Жег себя, угрюмо стиснув губы:  
Он и солнце делал истязателем,  
Наводя на кожу через лупу.  
Знал, как все дружки его вихрастые,  
Разрезаясь в кровь осколком банки:  
Будут пятки осенью распластаны  
Льдом — куда больнее, чем стеклянкой.  
Приходил в порезах и царапинах,  
Плакала, над ним склоняясь, бабка,  
А мальчишка только зябко вздрагивал»  
В камешек сжимался, но не плакал.  
Рос мальчишка далеко не неженкой!  
Но чего ни встретишь в царстве сонном!  
И приснились раз ему подснежники —  
Синие бубенчики со звоном.  
Будто бы бежал он к ним сугробами,  
Силою неведомой влекомый,  
Листьями какими-то особыми,  
Запахом, до радости знакомым.  
Будто, издеваясь над мальчишкой,  
Бил его, царапал, жег шиповник,  
И в лицо бросали сосны шишками,  
Будто бы мальчишка был разбойником.  
И на снег упал он, обессиленный,

Не способный больше к обороне.  
А подснежник глазоньками синими,  
Будто, как живой, мальчишку понял.  
Стебельком качая над сугробами,  
Сам пришел к мальчишке близко-близко:  
С листьями, как руки папы, добрыми,  
С голосом забытым материнским:  
«Милый, твои ножки не устали ли?  
Сыт ли ты? Твои рубашки чисты ли?» —  
«Мама!»  
...и подснежники растаяли.  
«Папа!»  
...ни бубенчиков, ни листьев.  
Только ветер где-то хлопнул ставней,  
Только бабка охнула тревожно...  
С этой ночи вовсе дома стало  
Удержать мальчишку невозможно:  
Следом за апрельскими ветрами  
Убегал за город в одиночку,  
Снег в лесу раскапывал руками,  
Каждую осматривая кочку.  
Он искал подснежники, конечно, —  
Синие бубенчики со звоном,  
Чтобы пережить любовь и нежность  
Наяву, как в дивном царстве сонном.  
...Солнце все светлее улыбалось,  
Ручейки текли из-под ладоней.  
А когда и снега не осталось:  
«Нет таких цветов!» — мальчишка понял.  
Жизнь мальчишке показалась горше,  
И себя мальчишке стало жалче:

Слезы покатались, как горошины,  
На мальчишкин «хлеб» — сосновый пальчик.  
Все! Он больше чудесам не верит!  
Он уйдет из сладостного плена,—  
Слишком велика его потеря,  
Чтобы можно ей найти замену.  
Только все ж на солнечной опушке  
Он, вздохнув, нарвал цветов букетик,  
Чтобы дома спрятать под подушку  
Голубые, простенькие — эти.  
Горсть цветов, наверно, безымянных,  
Он сорвал бездумно и небрежно:  
Для чего мальчишке имена их?  
Не под снегом — значит, не подснежники.  
Значит, не звенят они, не пахнут,  
Листьями мальчишку не погладят...  
Он не знал, как дружно дома ахнут,  
На него, расстроенного, глядя.  
Он не знал, что дома, как шальные,  
Прямо к потолку его подбросят,  
Что ему простят все-все вины его,  
Где он был, что делал он, — не спросят.  
«Наш родной, любимый! Наш упрямый!»  
...Две шинели брошены на стулья.  
Руки папы. Губы, голос мамы!  
Кончилась война. Они вернулись!

И у этой неизбывной ласки  
Быть в долгу мальчишка не захочет:  
Он подаст цветы — не без опаски...  
«Господи, подснежники... сыночек!».

Пожилая вдова, вдова  
Рубит, рубит в лесу дрова.  
Мужа нету еще с войны,  
Поразъехались все сыны,  
И по веснам вдовы топор  
Одиноко стучит с тех пор.  
...Дует ветер — будь проклят он! —  
Дует, дьявол, со всех сторон.  
«Посадил» он сосну на ель,  
Начинается канитель:  
Чтобы эту сосну сронить,  
Надо елку сперва срубить.  
...Сбился набок платок, платок,  
Треплет волосы ветерок.  
Ель седа, и вдова седа...  
След вокруг елки — туда-сюда.  
Подступилась, пошло: тюк! тюк!  
Елка-матка, вались на юг!  
Ствол накренился, затрещал,  
Землю с небом перемешал.  
Лес качнулся куда-то вкось,  
Что-то в сердце оборвалось,  
Затуманилась голова,  
Закачалась, как ель, вдова.  
Тихо ткнулась руками в снег...  
Вот и кончился человек.

...От дороги — тропа, тропа.  
На тропинке — щепы, щепы.  
А в деревне — апрель, апрель!  
Над крылечком вдовы — капель...

\* \* \*

Гордая моя мама!  
Горькая твоя доля  
Голову носить ниже  
Так и не научила.  
Держишь ее — как надо:  
Дерзостью встретишь дерзость,  
Вдесятеро заплатишь  
Людям за доброту.  
К белым твоим сединам  
Бережно прикасаюсь,  
Будто бы это — боли,  
Собранные в жгуты;  
Будто бы это беды,  
Те, что отбедовала:  
Густо, к одной — другая...  
Разбередить — боюсь.

\* \* \*

Я помню соседей по тем временам,  
Которым короткое имя — война.  
Короткое имя, а память — долга...



Безмолвна деревня — по трубы в снегах.  
Огромную тяжесть держа на весу,  
Ни встать-отряхнуться, как елке в лесу,  
Ни охнуть-вдохнуть ей, ни чем шевельнуть.  
Застыла зловещая белая жуть.  
Огромное блюдо линялых небес  
Все вычерпано, как отдел райсобес.  
И новою, праздною ложкой пустой  
Вращается солнышка круг золотой.  
Все помнятся ложки, которые мать  
Под матицу вешала — там досыхать,  
Чтоб краской не пахли, и целые дни  
На них мы глазели — гони не гони.  
Потом, получая, пятнали: моя!  
Щербинки выкусывали по краям...  
И солнышко дразнится: выкуси на!  
Там где-то война. А у нас — тишина!  
Как тесто, поднявшееся из квашни,  
Как белые хлебы, сугробы пышны.  
Зайдешь на задворки — до самых лесов  
Насорен-насыпан все сахар-песок.  
И так же блестит он, и так же хрустит!  
Вот только ни капли во рту не сладит.  
Вот только не сладко в сугробе тонуть  
И за уши валенок мамин тянуть:  
«Великий, да дикий! И старый, а глуп!  
Уперся: в сугробе остаться ему б!  
Разинул, дырявый, голодную пасть  
И сахаром-снегом насытился всласть».  
Упрашиваю. Не сдаюсь. Волоку.  
И чую, как грузнет сума на боку.

Дрожащую руку в суму, как во сне, —  
В руке в колобочек сжимается снег.  
...Идти по деревне куски собирать  
Мы сами решили: страшно умирать.  
И мать, наклонясь над грудным малышом,  
Сказала спокойно: «Ну, что ж, хорошо!»  
(Что стоило это спокойствие ей,  
Я знаю, пожалуй, получше людей.  
Была моя мама добра, но горда:  
За спичкой в соседи — и то никогда!  
За спичками — стыдно. За солью — вдвойне.  
По пятеро нас накопилось к войне.  
Кормилец — в могиле, малец в подолу.  
Веревка для петли — в поветном углу.)  
Дала нам она по суме из холста,  
Велела просить, поминая Христа.  
(Безбожница-мама! Колхозный актив!  
Тебя не виню я, ты — тоже прости:  
Ослушаться смела и, где ни была,  
Я имя Христа помянуть не могла.  
Зачем поминать? Для кого поминать?  
Соседи и сами должны понимать.)  
Я криком кричала, молчанье храня:  
— Подайте, коль можете, ради меня!  
И ради братишек, таких же, как я!  
И руку выпрастывала из тряпья.  
У каждого дома я помню крыльцо.  
И помню ворота. И помню кольцо.  
И темные сени (а чьи-то — светлей).  
И двери тугие (а чьи-то слабей).  
И помню пороги: одни — высоки.

Другие — пониже. И помню куски.  
И помню глаза подававших людей...  
Я вечный должник у деревни моей.  
Перила-краюшки, ступеньки-ломти,—  
Без этой бы лесенки мне не взойти,  
И самую лучшую песню мою  
Я людям, соседям моим, отдаю.  
Но помню и этот, один из всех,  
Не сдержанный, к корке добавленный, смех.  
Безжалостный, сытый, ехидный смешок,  
Он ранил навывлет, сквозь душу прошел.  
И тем, что живу я, и тем, что дышу,  
Я этому смеху, наверное, мщу.

\* \* \*

Говорят, мое поле —  
За тремя волоками,  
Говорят, моя доля —  
За семью мороками.  
А какой это волок —  
Перелесок родимый!  
А какой это морок —  
Взмахи отчего дома!  
...От рожденья до гроба  
Проходивший в посконном,  
Прадед потом и кровью  
Полил эти загоны.  
Мне завещаны дедом  
Поле с житом и рожью,

Боровые приметы,  
Луговые остожья.  
На судьбу не в обиде,  
Буду век сенокосить,  
Только зря не губите  
Во бору моем сосен,  
Будет рожь колоситься  
Год от года все выше,  
Только зря не гасите  
Струйку дыма над крышей.

### ПРЕДЧУВСТВИЕ

Много палого листа  
В середине лета...  
Ой, боюсь, что неспроста  
У природы это!  
Отчего бы им стареть?  
Что бы торопиться  
Пожелтеть и облететь,  
Чуть успев родиться?  
Небеса синим-сини,  
Ветер тих и ласков:  
Неужели эти дни  
Лист вгоняют в краску?  
И весна была — с водой,  
И зима — со снегом...  
Лучше, корень, землю дой —  
Есть у матки млеко!  
Добывай, листву питай,

Чтобы шапки-кроны  
Как в минувшие лета —  
До снегов — зелены!  
...Но, багрян и золотист.  
Чуть за ветку тронешь,  
Упадает вялый лист  
В теплые ладони.  
Видно, сокам под корой,  
Как в сугробах, бродно  
От предчувствия сырой  
Осени холодной.

## БЕЛОМУ ДОМУ РОССИИ

Ты — каменный. Тебя не повернуть.  
Не увильнуть тебе, не увернуться.  
Тебя в упор расстреливали, в грудь.  
Ты почернел. Часы твои не бьются.

Зловеща, Белый Дом, твоя судьба:  
Как снова брат не порадел о брате!  
Завидуя упрятым в гроба,  
Стой — памятником нашим «демократиям».

\* \* \*

Славяне-братья, кто мы?  
В сегодняшней ночи —  
Ведем — или ведомы?

Врачи — иль палачи?  
Мы ангелы — иль беси?  
Наш двор — не наш фасад?  
И Гимн наш — бессловесен,  
И Флаг наш — полосат!  
И Герб у нас — двуглавый:  
Взаимен отворот  
Головок левой-правой,  
Но общ-един живот.  
На мир надежда тает:  
Живот — оплот? Увы...  
Похоже, не хватает  
Нам третьей головы:  
Обычной, человеческой,  
Разумной, нехмельной.  
Живем — хвалиться нечем,  
А кто тому виной?  
Все ниже наши нравы,  
Все злей загран-ветра...  
В каком остроге «браво»?  
В какой тюрьме «ура»?

\* \* \*

В воду сброшены, никак не хватим берега...  
Побарахтаемся всласть: куда ж нам плыть? —  
Все экраны занавешены Америкой, —  
Где Колумбы, чтобы Америку закрыть?

...Приспособлен сена клок пред ноздри ослика,  
Ускользя, обещающий: — Ужо,  
Пожуешь... но — не сейчас, попозже, после...  
как Довезешь телегу, в кою запряжен,

Одурманен, оболванен — сена хочет он!  
Слеп и глуп: не поворотит головы,  
Не увидит вдоль дороги по обочинам  
Росной, вкусной — про него росла! — травы...

Так, туда-сюда, до смерти и прошастаем,  
Бубенцами скоморошьими звеня,  
На ослиное подвешенное США-стие  
Счастье кровное, земное променяв.

\* \* \*

Луг да поле. Роща да дубрава.  
Царь да Стенька. Церковь да кабак.  
Воля Волги. Крепость — твердь Урала.  
Умница — Иван-дурак!  
Радость — в песенной печали.  
Горечь — в пляске удалой...  
Как бы где ее ни величали —  
Русь останется собой!

Прозябаю:  
Прозой баю.  
А поэзия —  
Бай-баю.  
Позабавились —  
И хватит:  
За поэзию —  
Не платят.  
О поэзии —  
Не плачут:  
Ничего она  
Не значит.  
О поэтах —  
Не бастуют:  
Их списали  
Подчистую.  
Хорошо-то  
Без талантов  
Прессе желтой  
Оккупантной!  
Жорко! Жирно!  
Прорежимно!  
Нежное —  
Уничтожимо.  
Мерзкое  
Трубит победно.  
...Не с кого  
Писать поэму.



\* \* \*

Храни огонь родного очага  
И не позарься на костры чужие!  
Таким законом наши предки жили  
И завещали нам через века:  
«Храни огонь родного очага!».

Лелей лоскут отеческой земли,  
Как ни болотист, как ни каменист он...  
Не потянись за черноземом чистым,  
Что до тебя другие обрели.  
Лелей лоскут отеческой земли!

И если враг задумает отнять  
Твоим трудом взлелеянное поле,  
Не по страничке, что учили в школе,  
Ты будешь знать, за что тебе стоять...  
Ты будешь знать, за что тебе стоять!

# Наследники Победы





## ВОЗГЛАС

Я увидел сегодня  
Безумно красивый восход!..  
Говорят, на востоке  
Все небо ножами распорото.  
И небесная кровь  
С убиенного неба течет.  
И с печальных березок  
Стекает осеннее золото.

\* \* \*

Слова лежат в глубинах русских рек  
Они не умерли, они заснули.  
Их разбудить лишь может человек,  
И оживет тотчас стозвонный улей.

Певучих, тяжких, как колокола,  
Как монолиты каменные слитых  
С могучим словом, зиждущим Дела...  
Пусть не молчит полуистлевший свиток,  
Что молодость у Леты обрела.

\* \* \*

Там, где все кончается однажды,  
И глаза безжизненно грустны,  
Все проходит с утолением жажды,  
С претвореньем радостной весны.

За чертой порога голубого  
Будет все несбывшееся здесь.  
Хриплый звук охотничьего рога  
Разнесет отчалившую весть.

Если б знать нам, сколько нужно силы,  
Чтоб шагнуть за голубой порог,  
Бросить край, приевшийся, но милый  
В желтизне дымящихся дорог.

Чтоб за жизнь устало не цепляться,  
Как вцеплялась в дерево лоза,  
Не гадать: к чему же это снятся  
По ночам желанные глаза.

\* \* \*

Время будет ползти, и морщины пометят чело,  
Я пойду вам вослед, через зеркала синее чрево,  
Там, где шли вы одна, расступается белое зло;  
Остается строка, словно поступь божественной  
девы.

Жизнь — большая дорога, минуты и годы —  
шаги;  
Встречи рвутся и сыплются, ночь озарив  
звездопадом;  
Снег швыряет охапками плети каленой пурги,  
И мерцает, и гаснет, и вновь загорается ладан.  
Сон скользит сквозь года, и минуты текут, как  
река,  
И одною из них чародейственно бред  
раскидало:  
Я услышал шаги, я увидел — коснулась рука,  
Отвела и откинула в ночь покрывало.

## ХРАМ

Я брел один по снежной целине  
Февральский дождь в лицо впивался мне,  
Кренилась даль и высилась в глазах,  
Но каждым шагом окупался страх.

Я много видел в этот грешный день:  
Как в поле с неба опустилась тень  
Проталин.  
Но тень еще скользила парой крыл,  
И ворон был, и крик вороний был  
Печален.  
А ворон жил  
Среди развалин.

В тумане, там, куда он полетел,  
Церковный купол призрачно чернел:  
И ворон рад, что я исчез вдали,—  
Его гнезду тревоги не сулил  
Прохожий.  
Где под дождем слезится на горе  
Поруганный, опустошенный храм,  
Но — Божий.

\* \* \*

Когда домой вернулся я,  
Черемуха цвела.  
И было слышно соловья  
В саду из-за угла.

Не знаю, был ли этот сад?  
И был ли этот дом?  
Но много-много лет назад  
Я жил в краю родном.

Не знаю, был ли этот сад?  
И был ли соловей?  
И мой ли дух, и мой ли взгляд  
Терялся средь ветвей?

Но он скользил по всем холмам,  
По граням милых стен;  
Бежал по пенистым волнам,  
Не зная, что блажен.

Не ведал он, творя Парнас  
И торопя года,  
Что каждый миг, и каждый час  
Бесценен был тогда.

Пусть мать мне пишет об одном:  
Что след мой не истерт;  
Но тополь за моим окном  
Наполовину мертв...

\* \* \*

Это было со мной, это вновь повторится  
Не со мной, так с другим: на зеленом ковре  
Обессиленно мечется пестрая птица,  
Легкий пух поднимая, как снег в ноябре.

Что такое судьба? Две случайные встречи,  
Просто случай и злость. Только крылья листвы  
Так доверчиво гладят взведенные плечи,  
Что ослабнет рука и скользнет с тетивы.

Этой силою можно пронять и утешить,  
Можно душу свернуть на лирический лад,  
Можно ввергнуть в смирение. Но истины те же:  
Две капризные стрелки не сдвинуть назад.



Но течет, как река, этих дней вереница,  
Не оправдана кровь; на зеленом ковре  
Обессиленно мечется пестрая птица,  
Легкий пух поднимая, как снег в ноябре.

\* \* \*

Сквозь темень лет и тучи стрел  
Благослови меня. Россия!  
Тоской отмеченный удел  
Сулят дожди твои косые.

Сквозь необузданность ветров,  
Восстаний грозные обвалы  
Благослови мой скудный кров,  
Незнаемый и небывалый.

Покинув проклятую твердь,  
Ты разбредалася по странам,  
Но попирающею смерть  
Тебя я вижу непрестанно.

К купели непорочных вод  
Смиренной схимницей идущей.  
В глазах спасенья твоего  
С мольбой несмолкнувшею ждущих.

## ОТШЕЛЬНИК

### 1

Живу вдали от всех, в живых истоках  
Бегущих, чистых и туманных рек.  
И в тишине Всевидающее Око  
Высокой целью озаряет век...  
Я претерпел себя. Здесь одиноко,  
Но одинок с рожденья человек!

Встаю с рассветом. Свет по синим окнам  
Нежит волной. Я выйду на порог.  
Туманов млечных вьется горний локон,  
И дивный свет пронзает темный лог.  
Он порожден в источниках востока.  
Так с первых дней благословен восток!

### 2

Моя тропа уходит к перевалам.  
День не окреп, но я уже по ней  
Бреду. И лес зеленым покрывалом  
Скрывает суть моих безмолвных дней.

Мне некому подвигнуть оправданье,  
И вздох мой тайный канет у теснин.  
Прими мое блаженство и страданье,  
Мой Отчий Бог, Пресветлый Дух и Сын!

Это будет со мной, молодым или старым,  
Будет осень... Мотая словесную нить,  
Будет плакать перо, и придут санитары  
В голубую обитель меня проводить.

За моею спиной свет останется душен,  
Тускл и сер, и в ответ торопливым шагам  
Я им буду твердить: «Преклонитесь, я —  
Пушкин».

Но лишь только ковыль приклонится к ногам...

Успокоит обитель и душу, и тело,  
И, меня повстречав, улыбнется сосед,  
В простыне, словно в греческой мантии белой,  
И застенчиво скажет, что он Архимед.

Это будет со мной; по тенистой аллее  
Мы пойдем рука об руку, и разговор  
О высоких материях не тяжелее  
Будет нам оттого, что мы здесь с этих пор...

\* \* \*

Обращаюсь к вам, старые и  
  маститые:  
Оглянитесь на годы, которые  
  пройденны.  
И скажите, годов перематывая  
  свиток,

Как берегли вы мою родину?

Обращаюсь к вам дерзко  
и дерзко требую,

Ибо готов сотворить поруку —

В том, что под этим же  
небом  
синим

В свой черед отчитаюсь  
перед сыновьями  
и внуками.

## ДОРОГИ

Меня привлекают глухие дороги  
Своим одиночеством и тишиной,  
Где чувство восторга и чувство тревоги  
Бок о бок шагают часами со мной.

Я странник, я путник, калика безродный,  
Мой крест — это путь. Это путь без конца.  
Измучено тело, но дух благородный  
Усталости тень прогоняет с лица.

И так без конца — до конца, до могилы! —  
Глухие дороги, восторг, тишина,  
Тоска и тревога, где вера и сила  
Себя оправдают сполна.

\* \* \*

Я не рабоче-крестьянский, я русский,  
Русский поэт, человек, гражданин  
Вилку уродуя в скудной закуске,  
Пью за божественность русских равнин!

С думой о гордом народе, о Боге,  
Словно судьбу, направляю свой стих,  
Чтоб, как паршивые псы у дороги,  
Мы не искали хозяев своих.

Горько мне видеть убогие лица,  
Стыдно мне слышать убогую речь,  
Страшно рабом окаянным в землицу  
Без покаянья и радости лечь.

\* \* \*

Когда уснет последний кустик,  
Последний звук ночных дорог,  
Усну и я в своем жилище,  
Перекрестившись: «С нами Бог!..»

Когда взъярится свет небесный,  
И загорланит воронье,  
Я поклонюсь земле и Богу  
За пробуждение свое.

Когда же время горевое  
И мне прикажет в землю лечь,  
Я попрошу народ и Бога  
Отчизну милую беречь.

## ДЕКАБРЬ-91

Мрачней отец.  
Печальней мать.  
И с каждым днем  
Запойней зять.  
Угрюмей сын.  
Сварливей дочь.  
Короче день.  
Длиннее ночь...

И лишь в душе едва-едва  
Горят (не помню чьи) слова:  
«Доколе матери тужить?  
Доколе коршуну кружить?» \*

## РОССИИ 90-х

В Культуре — шоу. Лишь оно...  
Родиться Чувству не дано.

По Книгам — эрос... детектив...  
Уж сколько лет один мотив!

---

\* А. Блок, март 1916 г.

В Науке — сплошь — опять одно:  
То экстрасенс, то НЛО.

В Законах — чушь, обман, елей...  
Не до рождения идей!

И там и тут  
Один мотив:  
«Где приобрести презерватив?»

Так и живем: и там и тут,  
В Кремле, в постели —  
Всюду блуд!..

И так, еще не выйдя в свет,  
Умрет последний Твой Поэт...

## СТАРИКАМ

Старикам поклониться бы нам —  
до земли.

Лишь хотя бы за то,  
что гармонь сберегли.  
Ведь и мы же  
их песни порой за столом,  
хоть потупясь, и пусть через слово, —  
поем!

Мир бы рухнул,  
стоящий в веках  
лишь на песнях  
и на стариках.



## 1943 ГОД

Морская пехота  
Вгрызается в мокрый песок.  
За ротою рота,  
Соленых бушлатов поток.  
Братва удалая,  
Полундра, разрывы и дым.  
Но мины взмечают  
Понтоны один за другим.

Анапские пляжи —  
Блаженное место земли.  
Бессмысленно страшен  
Десант, по колено в крови.  
За ротою рота,  
За часом медлительный час.  
Мы лезем на доты.  
Ну кто же отменит приказ?

И будет царапать,  
И биться кошмаром во сне  
Анапа, Анапа...  
Морская пехота в огне.

## МОЕМУ ОТЦУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Вам было некогда, вы вечно были заняты,  
Вы верили — материя первична.  
И вы работали. Работали без памяти,  
Считая счастье общим, а не личным  
А дома жены становились нервными,  
И дети подрастали незаметно,  
А вам хотелось быть повсюду первыми...  
И ведь не только в спорах кабинетных.

Не только у молчащих микрофонов,  
Не только у погашенных экранов...  
Вы были первыми под пулями ОМОНа,  
Под танками дзержинцев полупьяных.  
И пусть глумятся площади и улицы,  
И пусть спешат за льготами предатели.  
Ведь все окупится, конечно же окупится:  
И пот и кровь, что вы за жизнь истратили.

\* \* \*

На Соборной горке белый Храм.  
В горле станет горько: как ты там?  
Все стоишь у речки, нежен и суров?  
Все хранишь крылечки стареньких домов?  
В сердце ноет мука. Видно за грехи.  
Мне сегодня туго — помоги!  
Я воздену руки к куполам.  
Поводырь мой милый, силы дай ногам.

Я приду, как странник, после всех дорог,  
Упаду на камни под Святой порог.  
Я приду... А может, принесут сыны...  
Отведи мне ложе у своей стены.

\* \* \*

В темном автобусе дальней дорогой  
Я замечтался о многом, о многом...

Что эта грусть — подпевая мотору,  
Душу доверить ночному простору?

Так без конца бы все ехать и ехать.  
Славно мы жили — оставили эхо.

Быль позабудется — пыль понесется,  
Только родимое эхо вернется.

Эх, разогнаться бы нам, разлететься,  
Где-нибудь вынесет, некуда деться

Елки все сумрачней, темень все гуще, —  
Знать, потянулись родимые пуши

Где-то за лесом, в глухом уголочке,  
Дом ли родимый блеснул огонечком?

Чьи голоса не слышать за мотором?  
Чьи это взоры с печальным укором?

Что это крутится как в лесопилке?  
Остановите меня у развилки!

Дайте сойти в неоглядную мглу,  
Дайте родимому верить огню

...В темном автобусе дальней дорогой  
Я замечтался о многом, о многом.

Что обожгло меня, как уголочком?  
Что там блеснуло в ночи огонечком?

\* \* \*

И такая сгустилась печаль,  
Словно смертный мой час наступил,  
И бессмысленный хаос сейчас  
Одинокую душу сдавил.

И я слышу мучительный вой —  
Он проносится там, надо мной, —  
Ветер смерти!  
Он воет и рвет,  
И уносит в безвольный полет!

И взошла непроглядная мгла  
И полмира собой обняла.

Где ты, матушка, родина где?  
Все скрывается в мертвенной мгле.

Что, душа, еще ищешь и ждешь,  
Что ты старые песни поешь?..

\* \* \*

Прощай, моя воля!  
Прощай, моя тайна!  
Один ухожу в темноту без названья.

Как мертвый, иду и не ведаю страха.  
Как саван, на мне забелела рубаха.  
И певчая птаха умолкла в груди.  
И ужас ночной окликает в пути.

И мертвая жизнь оживает и стонет,  
И ветер полуночный гонит и гонит,  
И тени текут — не увидишь лица...

И матушка кличет с родного крыльца.

### «ВО СНЕ ТЫ КРИЧАЛА...»

Приснилось: поле, я — солдат,  
Лежу убито в травах,  
Вокруг кузнечики трещат  
О вечности, о славе.  
А в спину врезалась трава,  
Прет сквозь меня отважно.  
Но почему, ведь я мертва,  
Мне больно так и страшно?  
Прорвался в грудь зеленый свет,  
И я траве шепнула:  
Тебе дороги дальше нет.  
Там, в сердце, вражья пуля.  
Меня услышала трава,  
Ответила натужно:  
«Но ты мертва, а я жива  
И не пойду окружно.  
И ты боялась умереть,  
Но тоже шла на пули,  
И ни огонь тебя, ни смерть  
С дороги не свернули»  
— Но я же мать!  
«Я тоже мать  
Детей своих спасла ты.  
Моих спаси, ведь мне рожать.

Будь до конца солдатом!»  
Трава полезла дальше, ввысь.  
Я корчилась от боли.  
Так сквозь меня пробилась жизнь,  
Взяла меня с собою  
В листок, в цветочек, в колосок.  
Я снова вижу сына!  
Ты не сломи меня, сынок!  
Не дай мне вновь погибнуть.  
Не плачь, малыш, ведь я жива,  
К тебе цветком вернулась.  
— Ты мамочка!  
Ты не трава!  
Проснись!  
И я проснулась.

## ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ ГЛУХАРЯ

Да, глухарь я! Глухой! Посмейся!  
Да, глухой я, когда пою.  
Ты мне в голову, в голову целься,  
Но не целься в глухарку мою!  
Да, глухой, но тебя я слышу,  
По дыханью тебя узнаю.  
Ты мой хвост над кроватью вы вешай,  
Но не целься в глухарку мою!  
Много здесь глухарей убито,  
У болотечка на краю.  
Ты стреляй, пока сердце открыто,  
Но не целься в глухарку мою!



Да стреляй же! Картечью, дробью...  
Я оглох уже, я пою!  
Подавись глухаринной кровью,  
Но не целься в глухарку мою!  
Впрочем, бей и ее, помолившись,  
Раз уж выбрал нас на убой.  
Пусть хоть дети мои, не родившись,  
Не унизятся перед тобой!

### ПОСПЕШНЫЙ ВЫВОД

Жила-была гадюка на болоте,  
Рожала ежегодно гадючат,  
Порою ягодниц пугала до икоты —  
Тех, кто «ау» меж кочками кричат.  
Пугала понарошку, для забавы,  
Шуршащим шепотком смеялась вслед,  
Но до поры. Когда-нибудь кровавый  
Змее гадюке выпадет рассвет.  
И дело, право, не в ее кончине.  
Змея еще не знала, что умрет,  
Когда ее, владыку в высшем чине,  
Однажды люди выгнали с болот.  
Все лето в кочках техника ревела,  
Лишился ручейка кулик-горюн,  
И клюква от удушья посинела,  
И сосенки посохли на корню.  
И вот змея, лишенная приюта,  
От горечи великой, не со зла,  
Не помышляя отомстить кому-то

На жительство в деревню приползла.  
Все ей не нравилось — хозяйство и скотина,  
И дохлый в ближнем озере карась,  
И почему старухи по малину  
В лес не идут — змея разобралась.  
И в смертный час на острых корчась вилах  
Последним выдохом осушенных болот,  
Змея, шипя, злорадствуя, решила,  
Что и деревня вслед за ней помрет.  
Но с выводом гадюка поспешила.

\* \* \*

Тропинка,  
Покосившийся плетень,  
От времени замшелый  
Сруб колодца,  
Зеленоглазые избенки  
Деревень —  
Все это Родиной моей  
Зовется.  
Краюху неба  
На закате дня  
Зальет заря  
Тончайшей позолотой.  
И промелькнет косынка  
Вдоль плетня —  
То мать спешит усталая  
С работы.  
Приносит ветер

Горький запах трав,  
Волнуют кровь  
Неясные желанья.  
В дыханьи матери,  
К груди ее припав,  
Я слышу Родины моей  
Дыханье.

\* \* \*

Я тонкий ствол  
С белесою корою,  
С листьями глаз  
И веточками рук.  
Сломи меня!  
Я бережно укрою  
Твое лицо  
От глаз чужих и губ.  
Я тонкий ствол —  
Живой, упругий,  
Светлый...  
Ты рядом был,  
Ты слова не сказал  
Лишь надломил кору  
Под левой веткой  
И прочь ушел.  
Оставил жить.  
Не взял.

\* \* \*

Лампадка у иконы Богоматери  
И тихий дом, где под защитой стен  
Спокойно спят лихие обыватели,  
Уставшие от лиха перемен.  
А завтра снова топот ярой конницы,  
И звон клинков, и громкое «ура!»,  
И разве лишь какой «дурак» поклонится  
Святым глазам, заплаканным с утра.  
А завтра к полудню погода сменится,  
Давление снова будет возрастать,  
И разве лишь какой «дурак» повесится  
От высшей невозможности принять  
Своей душою новые деяния  
В огнях реклам и пустоте речей,  
Ведь тащат гордых нас за подаянием  
Аж за рубеж, под звон чужих ключей.  
Спит тихий дом, ему во сне не стонется.  
Но я-то вижу, мне-то не до сна —  
Лампадку у иконы Богородицы  
И Богородицу с лампадкой — у окна.

\* \* \*

О Родине, о матери пишу,  
О глухаре пишу и о собаке.  
Где можно, обхожусь без драки,  
Где кулаками, плача, погрожу.  
А по земле так тяжело шагать,

Чтоб не убить, не смять, не покалечить.  
Весь этот мир беспомощно доверчив,  
Как я хочу язык его понять!  
Хочу найти венерин башмачок,  
Над озерком с кувшинками склониться,  
И, может быть, на дом перекреститься,  
Где нет замков, а только есть крючок.  
Не о своей судьбе пекусь до слез:  
Я, человек, за этот мир в ответе!..  
Вот нахожу родник в тени берез,  
Очищенный от грязи и от веток,  
И укрепленный ивами овраг,  
И сосенки на вырубке зеленой,  
И отвечаю чибису: «Чудак!  
Мы все твои. Живи себе спокойно».

\* \* \*

Я плачу, глядя фильмы о войне.  
И ничего тут пояснять не надо.  
Отцова кровь на поле Сталинграда,  
отцова кровь на огненной дуге.  
И та же кровь с осколком от снаряда  
и пулевым свинцом течет во мне.  
Ей о войне рассказывать не надо,  
она сама расскажет о войне.

## СТАЛИНГРАДСКАЯ ПОЛОСКА

Бой кипел на узенькой полоске —  
на земле, что в плоть и кровь вошла...  
До сих пор рождает отголоски  
в русском сердце памяти стрела.

И опять слеза глаза туманит  
и кривит тупым оскалом рот.  
На полоске ярость танк таранит,  
на полоске страшный бой идет.

Этот бой спустя десятилетия  
вечным сном нам не дает заснуть.  
И боюсь, очнувшись, не успеть я  
на кровавый, но священный путь.

Смертная полоска устояла,  
поднялась, пошла, врагов круша.  
Вместе с ней до боли трепетала  
и моя, за Родину, душа.

\* \* \*

*Станиславу Золотцеву*

Молчали об этом всеведы,  
не чуяла сердцем страна:  
грядет за Великой Победой  
эпоха  
Великого Сна.

Нет пастыря,  
нету святого,  
всеведы твердят не о том.  
Осталось лишь Русское Слово  
еще не охвачено  
Сном.

Оно невесомее пуха,  
трепещет в устах мудреца,  
незримой энергией духа  
светясь,  
зажигает сердца.

Бесценная книга, молитва,  
ночной разговор о былом —  
зовут на духовную битву  
со всеусыпляющим  
злом.

Живое, творящее Слово  
едино на все времена.  
Мир гибнет от слова пустого.  
Россия!  
Очнись ото Сна...

\* \* \*

Эти травы родимой земли,  
эти вросшие в небо деревья  
защитили судьбу от безверья,  
врачевали меня, как могли.

Припаду ли в лесу к роднику,  
погляжу ли на блеск увяданья,  
сознаю на коротком веку —  
нету лучших основ мирозданья!



И ползущий домой муравей,  
и кленок, золотящий дорогу,  
ничего не хотят от людей,  
пребывают покорные Богу.

Божий промысел виден во всем.  
Благодатное действие природы  
завязалось на долгие годы.  
Что же мы так недобро живем?

## ПЕСНЯ

И на этом берегу — лес,  
и на том берегу — тож.  
Я плыву по реке вниз  
с улетевшим листом схож.

Где-то есть у меня дом,  
рядом с домом — золотой сад.  
Из трубы идет родной дым,  
а в избе живет родной брат.

А у брата есть стальной конь,  
а у брата сердце — истинный клад,  
у него не заскучает гармонь,  
и обидно, что мой брат не женат...

Где же мне такую  
нынче сыскать  
да сосватать ему радость-жену,

что сумеет семерых нарожать,  
верно ждать, коль брат уйдет  
на войну?

И на этом берегу — лес,  
и на том берегу — тож.  
И плыву я по реке вниз  
с улетевшим листом схож.

\* \* \*

Деревня вымокла от долгого дождя.  
Отплакалась, а после улыбнулась —  
от солнышка. От ветра — встрепенулась,  
держа слезинки в травяных горстях.

И засверкало, заискрилось чудо:  
сады душистые и прежние дома.  
Старинный пруд, как великанье блюдо,  
гусей и уток посводил с ума...

И люди шли домой после работы,  
и обновление чудилось во всем.  
И древние крестьянские заботы  
любовью наполняли каждый дом...

Мне это все причудили дождинки,  
посолоневшие зачем-то на лице.  
А может, вдовьи мамины слезинки  
и наша с нею память об отце.

\* \* \*

Стал горек хлеб за праздничным столом,  
и думы тяжелей — день ото дня.  
Остановилось время за окном —  
невидимая форма бытия.

На старых лозунгах уже растут грибы,  
зато на древках — новые портреты.  
Неужто все мы — пасынки судьбы —  
шестая часть еще живой планеты!

Как долго длится эта злая явь.  
Как много зло имеет вариаций —  
от шабашей в поруганных церквах  
до лагерей, до псевдодемонстраций.

О, Русь моя! Преступен каждый миг,  
переходящий в долгую покорность,  
детей твоих униженную гордость,  
к которой каждый, кажется, привык...

\* \* \*

Среди ночи очнусь и гляжу  
в темноту  
без границ деревянных.  
Спать не хочется, неумогу,  
будто был накануне я  
пьяным.

И молитва смятенной души  
устремляется к светлому Богу:

«Не спеши, я молю, не спеши  
сокращать мне земную дорогу.  
Мне б увидеть рассвет золотой  
и красивые русские лица,  
чтобы знать за последней чертой,  
что Россия моя возродится.  
Не минует мя чаша сия —  
всех равняет смертельная участь.  
Помоги мне до смертного дня  
жить, за грешную родину мучась».

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**БЕЛЯЕВ Леонид Александрович** — поэт. Родился 17 июля 1939 года в городе Белозерске Вологодской области. Служил в армии, работал на телевидении в Череповце. Окончил филологический факультет Вологодского государственного педагогического института, а также Высшие литературные курсы в Москве. Автор многих книг, вышедших в Вологде, Москве, Архангельске. Член Союза писателей России с 1979 года. Трагически погиб 31 мая 1997 года. Похоронен в Череповце.

**ВИКУЛОВ Сергей Васильевич** — поэт, очеркист. Родился 13(26) сентября 1922 года в деревне Емельяновская Белозерского уезда Новгородской губернии в семье фельдшера. Окончив школу рабочей молодежи, поступил в Белозерский педагогический техникум. Первые стихотворные публикации появились в районной газете. С. В. Викулов — участник Великой Отечественной войны. После Победы работал в областной газете, в 1948—1951 годах учился в Вологодском государственном педагогическом институте. В 1949 году в Вологде выходит первый его сборник стихотворений «Завоеванное счастье», в 1950-х — 1960-х годах увидели свет еще несколько книг поэта. В 1961 году С. В. Викулов окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького, в том же году стал первым секретарем созданной при его непосредственном участии Вологодской писательской организации. В 1967 году С. В. Викулов становится заместителем главного редактора журнала «Молодая гвардия». В 1968—1989 годах — главный редактор журнала «Наш современник». Автор многочисленных поэтических книг, а также воспоминаний. Лауреат Государственной премии РСФСР.

**ГРУЗДЕВА Нина Васильевна** — поэтесса. Училась в Литературном институте имени М. Горького. Печаталась во всесоюзных изданиях. Работала в газетах. После выхода сборников «Твое имя» и «Воскресение» в 1995 году принята в Союз писателей России. Живет в Вологде.

**КАРАЧЕВ Михаил Васильевич** — поэт. Родился в поселке Лаптюг Кичменгско-Городецкого района Вологодской облас-

ти в 1953 году. Служил в армии. Окончил филологический факультет Вологодского государственного педагогического института. Автор сборников, вышедших в Вологде и Москве. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

**КОРОТАЕВ Виктор Вениаминович** — поэт, прозаик. Родился 8 января 1939 года в Вологде. Детство провел в деревне Липовица Сокольского района Вологодской области. Первую поэтическую книгу «Экзамен» опубликовал, будучи студентом Вологодского государственного педагогического института. Учительствовал в Никольском районе Вологодской области. Служил в Советской Армии. Работал в газете «Вологодский комсомолец». В 1965 году В. В. Коротаев принят в Союз писателей СССР. Автор двадцати шести книг. Пять лет возглавлял Вологодскую писательскую организацию. В последние годы работал директором издательской фирмы «Вестник». Скончался 18 мая 1997 года в Вологде. Лауреат премий имени А. Яшина, А. Фадеева, Н. Островского.

**МАКСИН Юрий Михайлович** — поэт. Родился в 1953 году в деревне Плосково Череповецкого района Вологодской области. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России с 1995 года. Живет в городе Устюжье Вологодской области.

**ОРЛОВ Сергей Сергеевич** — поэт. Родился 22 августа 1921 года в селе Мегра Белозерского уезда Новгородской губернии в семье сельских учителей. Писать стихи начал с детства. Участник Великой Отечественной войны. Танкист. В 1954 году окончил Литературный институт имени М. Горького. Первая книга «Третья скорость», вышедшая в свет в 1946 году, принесла С. С. Орлову читательскую известность. Стихотворение «Его зарыли в шар земной...», написанное в 1944 году, стало хрестоматийным. Жил поэт в Москве. Скончался 7 октября 1977 года. Лауреат Государственной премии РСФСР.

**ОСМИНИН Андрей Станиславович** — поэт. Родился в 1957 году в Вологде. Окончил экономический факультет Вологодского молочного института. В настоящее время работает редактором газеты «Губернские вести» в Кирове. Член Союза журналистов России.

**ПОШЕХОНОВ Александр Алексеевич** — поэт. Родился в 1956 году в деревне Доронино Череповецкого района Вологодской области. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России. Живет в Череповце.

**РОМАНОВ Александр Александрович** — поэт. Родился 18 июля 1930 года в деревне Петряево Кадниковского уезда Вологодской губернии в семье учителя и крестьянки. После Воробьевской семилетки поступил в Вологодское педагогическое училище, затем учился в Вологодском государственном педагогическом институте. С 1952 года — редактор областной газеты «Вологодский комсомолец». Член Союза писателей СССР с 1959 года. В 1960—1962 годах учился на Высших литературных курсах в Москве. Неоднократно избирался ответственным секретарем Вологодской писательской организации. Автор более двадцати книг стихов и прозы. В последние годы занимался также эссеистикой (воспоминания-размышления об А. Я. Яшине, Н. М. Рубцове и других писателях). Скончался 5 мая 1999 года в Вологде. Похоронен на сельском кладбище в деревне Петряево Сокольского района Вологодской области.

**РУБЦОВ Николай Михайлович** — поэт. Родился 3 января 1936 года в поселке Емецк Архангельской области. Отец Н. М. Рубцова — Михаил Андрианович — был начальником ОРСа леспромхоза, мать — Александра Михайловна — домохозяйкой. В семье росли шестеро детей. Во время военных бедствий в Вологде умерли две сестры и мать будущего поэта, следы отца затерялись (долгое время Н. М. Рубцов считал его погибшим на фронте, но в 1950-х годах произошла их встреча; умер отец поэта в 1962 году в Вологде). В 1942 году Н. М. Рубцов попадает в детский дом под Вологдой, а в 1943 году — в Никольский детский дом в Тотемском районе Вологодской области, где воспитывался до четырнадцати лет. Село Никольское стало малой родиной поэта. В письме к А. Я. Яшину он писал: «Здесь для души моей родина!». В 1950 году Н. М. Рубцов окончил семилетку, «учился в нескольких техникумах, но ни одного не закончил. Работал на нескольких заводах и в Архангельском траловом флоте. Служил четыре года на Северном флоте» (из автобиографии). В 1959—1962 годах Н. М. Рубцов живет в Ленинграде, работает на Кировском заводе, участвует в литературной жизни города. Летом

1962 года выходит первая машинописная поэтическая книга Н. М. Рубцова «Волны и скалы». Осенью 1962 года, закончив экстерном среднюю школу, Н. М. Рубцов поступает в Литературный институт имени М. Горького в Москве, позднее переводится на заочное отделение. Живет в основном в Вологде и в селе Никольском (Тотемский район Вологодской области). В 1964 году в журнале «Октябрь» появилась первая подборка стихотворений Н. М. Рубцова, замеченная критикой. Однако подлинную известность поэту принесла его первая московская книга «Звезда полей», выпущенная в 1967 году. Всего при жизни Н. М. Рубцова опубликовано четыре сборника стихотворений: «Лирика» (Архангельск, 1965), «Звезда полей» (М., 1967), «Душа хранит» (Архангельск, 1969) и «Сосен шум» (М., 1970). В 1967 году окончательно перебирается в Вологду. Убит в ночь на Крещение — 19 января 1971 года. Дату гибели предсказал в стихотворении «Я умру в крещенские морозы...». Похоронен в Вологде.

**ТЕПЛОВА Лидия Михайловна** — поэтесса. Родилась в деревне Медвежка Усть-Цилемского района Коми АССР. После окончания средней школы переехала в город Сокол Вологодской области. Автор поэтических сборников, вышедших в Вологде. Член Союза писателей России.

**ФОКИНА Ольга Александровна** — поэтесса. Родилась 2 сентября 1937 года в деревне Артемовская Верхне-Тоемского района Архангельской области. Отец и мать Ольги Александровны — потомственные крестьяне. Во время Великой Отечественной войны О. А. Фокина потеряла отца. После окончания семилетки поступила в Первое Архангельское медицинское училище. После его окончания работала фельдшером. Начала печататься в 1955 году. В 1957—1962 годах училась в Литературном институте имени М. Горького. С 1963 года живет в Вологде. Лауреат Государственной премии РСФСР, Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Н. Рубцова.

**ЧУХИН Сергей Валентинович** — поэт. Родился 12 октября 1945 года в деревне Бабцино Вологодского района Вологодской области в семье сельских учителей. Окончил Погореловскую среднюю школу. Работал киномехаником, корреспондентом областного радио. В 1963 году поступил в Вологодский



государственный педагогический институт. В 1965 году начал обучение в Литературном институте имени М. Горького. Окончил его в 1970 году. В дальнейшем работал в областных и районных газетах. При жизни С. В. Чухина вышли шесть лирических сборников: «Горница» (издан в 1968 году), «Дни покоя» (издан в 1973 году), «Дым разлуки» (издан в 1974 году), «Осенний перелет» (издан в 1979 году), «Ноль часов» (издан в 1980 году), «Стихотворения» (издан в 1982 году). Трагически погиб в сорокалетнем возрасте в октябре 1985 года. Похоронен в Вологде, рядом с могилой Н. М. Рубцова.

**ШАДРИНОВ Алексей Юрьевич** — поэт. Родился 22 февраля 1973 года в городе Белозерске Вологодской области. В 1980—1990 годах учился в средней школе. Стихи начал писать с раннего детства. Некоторые из них были напечатаны в районной газете. В 1991 году призван в ряды Советской Армии. Трагически погиб в девятнадцатилетнем возрасте 23 февраля 1992 года в воинской части под Красноярском. После смерти поэта появилась книга и публикации его стихотворений в московских и вологодских изданиях. Творчество А. Ю. Шадринова — уникальное явление в русской поэзии рубежа XX—XXI веков. По мнению В. П. Астафьева, «некоторые его стихотворения написаны с лермонтовской мощью».

**ШВЕЦОВ Александр Сергеевич** — поэт. Родился в 1951 году в деревне Поповское Сокольского района Вологодской области. Окончил естественно-географический факультет Вологодского государственного педагогического института. Автор поэтических сборников, вышедших в Вологде и Москве. Член Союза писателей России с 1983 года. Трагически погиб в 1999 году.

**ЯШИН (ПОПОВ) Александр Яковлевич** — поэт, прозаик. Родился 14(27) марта 1913 года в деревне Блудново Никольского уезда Вологодской губернии в крестьянской семье. Окончил семилетнюю школу и педагогический техникум в Никольске. С 1932 года работал сельским учителем, а затем — журналистом. Первый сборник стихотворений «Песни Северу» вышел в Архангельске в 1934 году. В 1935 году А. Я. Яшин переезжает в Москву. В 1936—1941 годах обучался в Литературном институте имени М. Горького. После

выхода в 1938 году книги «Северянка» получает широкую читательскую известность Участник Великой Отечественной войны. Доброволец. Служил военным корреспондентом и политработником. Подвигу Сталинграда посвящена его поэма «Город гнева», написанная в 1943 году. По состоянию здоровья в 1944 году демобилизован с воинской службы. В 1940-х — 1950-х годах А. Я. Яшин выпустил несколько сборников стихотворений. За поэму «Алена Фомина» в 1949 году ему присуждена Сталинская премия. Во второй половине 1950-х годов в творчестве А. Я. Яшина наступает перелом. Его произведения (рассказ «Рычаги», написанный в 1956 году, повесть «Вологодская свадьба», написанная в 1962 году, рассказ «Угощаю рябиной», написанный в 1965 году, а также другие сочинения) стали этапными для русской прозы, они были отмечены гражданской смелостью и высоким художественным уровнем. Исповедальностью и искренностью наполнены сборники стихотворений А. Я. Яшина «Совість» (издан в 1961 году), «Босиком по земле» (издан в 1965 году), «День творенья» (издан в 1968 году). А. Я. Яшин — один из основателей Вологодской писательской организации, старший товарищ и учитель В. И. Белова, Н. М. Рубцова, А. А. Романова, а также других вологодских литераторов. Скончался 11 июля 1968 года в Москве. Похоронен на Бобришном Угоре, на своей малой родине — близ деревни Блудново в Никольском районе Вологодской области.

# СОДЕРЖАНИЕ

НА РУБЕЖЕ .....	5
-----------------	---

— НИКОЛАЙ РУБЦОВ —

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ .....	6
------------------------	---

— АЛЕКСАНДР ЯШИН —

В О Е Н Н О Е  П О К О Л О Д	— АЛЕКСАНДР ЯШИН —	
	ВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ .....	11
	«НЕ ПОЗАБЫТЬ МНЕ ПЕРВЫХ СХВАТОК...» .....	11
	НЕ УМРУ .....	12
	ТВОЯ РОДИНА .....	14
	А ВСЕ ЛИ ПОМНИМ .....	15
	СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА .....	16
	ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ .....	17
	«ЕСТЬ ОЩУЩЕНИЕ СИЛЫ И В УПРЯМСТВЕ...» .....	19
	«И УДИВЛЯЛИ МИР...» .....	19
	ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ .....	20
	НА БОБРИШНОМ УГОРЕ .....	21
	ЧЕГО БОЮСЬ? .....	22
	ДОБРУ ОТКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ .....	23
	ВАШИ УСПЕХИ .....	25
	«Я ОБРЕЧЕН НА ПОДВИГ...» .....	26
ОТХОДНАЯ .....	28	
«ДАЙ БОГ...» .....	29	
«ТАК ЖЕ БУДУТ ЮНОШИ ПИСАТЬ .....	30	

— СЕРГЕЙ ОРЛОВ —

«ЗДЕСЬ ЗЕМЛЯ ДРОЖАЛА НЕ ОТ СТРАХА...» .....	31
«МОЖЕТ, МНЕ И ОСТАЛОСЬ ВСЕГО...» .....	31
ОТДЫХ .....	32
«КОГДА НА ФРОНТЕ НАСТУПАЕТ НОЧЬ...» .....	33
«А БЫЛО ПОД ВОЛХОВОМ СИНИМ...» .....	35
ПОСЛЕ МАРША .....	35
«ЕГО ЗАРЫЛИ В ШАР ЗЕМНОЙ...» .....	36
«ВОТ ЧЕЛОВЕК — ОН ИСКАЛЕЧЕН...» .....	37
ПОБЕДА .....	37
«КОЛЬ БУДЕТ ТРУДНО, Я ПРИДУ ТУДА...» .....	37
«Я НЕ ЛЮБЛЮ ТОГО, КТО МИР ВИНИТ...» .....	38
«ГОЛОС ПЕРВОЙ ЛЮБВИ МОЕЙ —	
ПОЗДНИЙ, НАПРАСНЫЙ...» .....	39
«КОНЬ ПЛАКАЛ. ПАДАЛА ЗВЕЗДА...» .....	39
«НАС НЕТ НА СВЕТЕ. МЫ ТРАВА И ЛЕС...» .....	40
«ХРИСТОС РАСПЯТ, НО ЖИВ ИУДА...» .....	40
«КОГДА ЭТО БУДЕТ, НЕ ЗНАЮ...» .....	41
«ТЕРЯЮ ВКУС К ПОДРОБНОСТЯМ ХМЕЛЬНЫМ...» .....	42
«РОССИЯ ЕСТЬ У КАЖДОГО СВОЯ...» .....	42
«МНЕ НЫНЧЕ СНИТСЯ КРАЙ РОДНОЙ НОЧАМИ...» .....	43
«ЗЕМЛЯ ЛЕТИТ, ЗЕЛЕНАЯ, НАВСТРЕЧУ...» .....	44

— СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ —

О ТИШИНЕ .....	45
«НАЧАТЬ БЫ ТАК СТИХОТВОРЕНИЕ...» .....	46
«ОГЛЯДЫВАЮСЬ С ГОРДОСТЬЮ НАЗАД...» .....	48

ПАРАД ПОБЕДЫ .....	49
ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД .....	50
ПИШИТЕ ПИСЬМА МАТЕРЯМ .....	51
В ДЕНЬ ПОБЕДЫ .....	52

— НИКОЛАЙ РУБЦОВ —

ДЕТСТВО .....	55
БЕРЕЗЫ .....	57
ГЕРОЙ .....	58
ДОЛГ .....	59
МАЧТЫ .....	60
В КОЧЕГАРКЕ .....	61
ОСЬ .....	62
ТИХАЯ МОЯ РОДИНА .....	63
РУССКИЙ ОГОНЕК .....	65
«Я БУДУ СКАКАТЬ ПО ХОЛМАМ ЗАДРЕМАВШЕЙ ОТЧИЗНЫ...» .....	67
ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ .....	69
О МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ .....	70
ВСТРЕЧА .....	71
«О ЧЕМ ПИСАТЬ?...» .....	72
«МЫ СВАЛИВАТЬ НЕ ВПРАВЕ...» .....	72
«Я УМРУ В КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ...» .....	73
ДО КОНЦА .....	73

— СЕРГЕЙ ЧУХИН —

«ДРУЗЕЙ ПОТЯНЕТ КОЧЕВАТЬ...» .....	75
«ПРОШЛА МАШИНА, ТЯЖЕЛО ДЫША...» .....	75
«НЕ ЗАБЫВАЙ МИНУВШИЕ ПЕЧАЛИ...» .....	76
«БЛАГОСЛОВЕННЫ ДНИ ПОКОЯ...» .....	77
«КОНЧИЛОСЬ ОСЕННЕЕ НЕНАСТЬЕ...» .....	77
«РАБОТАЙ, ДРУГ МОЙ...» .....	78
«ОСЕННЯЯ ЗАРЯ, ЗАРЯ ГЛУБОКАЯ...» .....	79
«ТАКОЕ ДОЖДЛИВОЕ ЛЕТО...» .....	80
«И НАША НЕ ХУЖЕ ЭПОХА...» .....	81
«СРЕДИ РАЗГУЛА И РАЗБОЯ...» .....	82
ПАМЯТИ А. Я. ЯШИНА .....	83
ВСТУПЛЕНИЕ .....	84
«ТРОПА РАЗДВИНУЛА ДЕРЕВЬЯ...» .....	84

— НИНА ГРУЗДЕВА —

«МЕСЯЦ, А НЕ ДЕНЬ, НЕ ДВА...» .....	85
«МЫ НЕ ВСЕ ДРУГ ДРУГУ РАССКАЗАЛИ...» .....	85
«ОХ, КАК ЖДУ Я ТВОЕГО ОТВЕТА...» .....	86
«Я ХОТЕЛА ТЕБЯ ЗАБЫТЬ...» .....	86
«АХ, ПОЕЗД, ПОЕЗД!» .....	87
«ОТТРЕЩАЛ ЯНВАРЬ, И МАРТ РАСТАЯЛ...» .....	87
В ПОЛЕ .....	88
У ПАМЯТНИКА РУБЦОВУ .....	88
ЗВЕЗДА .....	89

— АЛЕКСАНДР РОМАНОВ —

СОЛДАТ .....	90
21 ИЮНЯ 1941 ГОДА .....	91

ДЕТИ ВОЙНЫ

«ЗЕМЛЯ ОТЦОВ И ДЕДОВ, ТА ЗЕМЛЯ...»	93
ГОДЫ	94
БАБКИН СЫН	94
«В МОЛЧАНЬЕ Я СТОЮ ОДИН...»	96
«И БЫЛО ТО, И ЭТО БЫЛО...»	97
КРАСНЫЕ ТУЧИ	98
РОДНАЯ МЕСТНОСТЬ	99
«СКОНЧАЛСЯ ЧЕЛОВЕК...»	100
«В РОДНОЙ ИЗБЕ, ПОД ТЕПЛЫМ БОКОМ ПЕЧИ...»	100
«ЖИЗНЬ ИЗВЕЛАСЬ НА РОДИНЕ МОЕЙ...»	101
О, РУСЬ!	102
— ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ —	
«ОНИ ВЫПАДАЮТ БЕЗБОЛЬНО...»	104
«В КРАЮ, ГДЕ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...»	104
«ОГОРОДА НЕ КОПАЮ...»	105
«ВСЕ ЭТО БЫЛО ТАК ДАВНО...»	106
«ВЫХОДИТ В МОРЕ ПАРОХОД...»	106
«ГОВОРЯТ, У НАС ЛЕНТЯЕВ МНОГО...»	107
— ВИКТОР КОРОТАЕВ —	
БРАТСКИЕ МОГИЛЫ	108
УЧЕНЬЯ	108
«ПОД НЕБОМ ПОЛЯРНЫМ, ГДЕ ГЛУХО И ТОПКО...»	109
НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА ПОБЕДЫ В 1952 ГОДУ	111
ПОСЛЕ ВОЙНЫ	113
«СЧАСТЛИВ Я В СВОЕМ ДОБРЕ И ХУДЕ...»	114
«НУ ЧТО, КАЗАЛОСЬ БЫ, ТАКОГО...»	115
«ШУМИТ, НАЛИВАЕТСЯ ПОЛЕ...»	116
«КАКОЕ ВСЕ-ТАКИ БЛАЖЕНСТВО...»	117
«ЕЕ ДЕТЕЙ УБИЛИ НА ВОЙНЕ...»	118
«СПАСИБО, РОДИНА, ЗА ЭТУ...»	120
— ОЛЬГА ФОКИНА —	
«БОЛЬШАЯ РОДИНА БЕЗ МАЛОЙ...»	121
«ШОРОХ ВЕТРА, РОКОТ ГРОМА...»	121
«НЕ КРЕСТИЛА, НЕ БЛАГОСЛОВЛЯЛА...»	122
«МОЙ ОТЕЦ... ОН ДАВНО НЕ С НАМИ...»	124
РОЗОВОЕ МЫЛО	125
«ПРОСТЫЕ ЗВУКИ РОДИНЫ МОЕЙ...»	126
«Я С ДЕТСТВА ЖИВУ БОРЬБОЮ...»	127
НА ПИСКАРЕВСКОМ КЛАДБИЩЕ	128
В МАГАЗИНЕ	129
ИЗ ПИСЬМА МАТЕРИ	131
ПОДСНЕЖНИКИ	132
«ПОЖИЛАЯ ВДОВА, ВДОВА...»	136
ГОРДАЯ МОЯ МАМА!	137
«Я ПОМНЮ СОСЕДЕЙ ПО ТЕМ ВРЕМЕНАМ...»	137
«ГОВОРЯТ, МОЕ ПОЛЕ...»	140
ПРЕДЧУВСТВИЕ	141
БЕЛОМУ ДОМУ РОССИИ	142
«СЛАВЯНЕ-БРАТЬЯ, КТО МЫ?...»	142
«В ВОДУ СБРОШЕНЫ, НИКАК НЕ ХВАТИМ БЕРЕГА...»	143

«ЛУГ ДА ПОЛЕ. РОЩА ДА ДУБРАВА...» .....	144
«ПРОЗЯБАЮ...» .....	145
ХРАНИ ОГОНЬ РОДНОГО ОЧАГА .....	146

**— АЛЕКСЕЙ ШАДРИНОВ —**

ВОЗГЛАС .....	149
«СЛОВА ЛЕЖАТ В ГЛУБИНАХ РУССКИХ РЕК...» .....	149
«ВРЕМЯ БУДЕТ ПОЛЗТИ, И МОРЩИНЫ ПОМЕТЯТ ЧЕЛО...» .....	150
ХРАМ .....	151
«КОГДА ДОМОЙ ВЕРНУЛСЯ Я...» .....	152
«ЭТО БЫЛО СО МНОЙ, ЭТО ВНОВЬ ПОВТОРИТСЯ...» .....	153
«СКВОЗЬ ТЕМЕНЬ ЛЕТ И ТУЧИ СТРЕЛ...» .....	154
ОТШЕЛЬНИК .....	155
«ЭТО БУДЕТ СО МНОЙ, МОЛОДЫМ ИЛИ СТАРЫМ...» .....	156

**— АЛЕКСАНДР ПОШЕХОНОВ —**

ДОРОГИ .....	158
«Я НЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ, Я РУССКИЙ...» .....	158
«КОГДА УСНЕТ ПОСЛЕДНИЙ КУСТИК...» .....	159

**— АЛЕКСАНДР ШВЕЦОВ —**

ДЕКАБРЬ-91 .....	160
РОССИИ 90-Х .....	160
СТАРИКАМ .....	161

**— АНДРЕЙ ОСМИНИН —**

1943 ГОД .....	162
МОЕМУ ОТЦУ ПОСВЯЩАЕТСЯ .....	163
«НА СОБОРНОЙ ГОРКЕ БЕЛЫЙ ХРАМ...» .....	163

**— МИХАИЛ КАРАЧЕВ —**

«В ТЕМНОМ АВТОБУСЕ ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ...» .....	165
«И ТАКАЯ СГУСТИЛАСЬ ПЕЧАЛЬ...» .....	166
ПРОЩАЙ, МОЯ ВОЛЯ! .....	167

**— ЛИДИЯ ТЕПЛОВА —**

«ВО СНЕ ТЫ КРИЧАЛА...» .....	168
ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ ГЛУХАРЯ .....	169
ПОСПЕШНЫЙ ВЫВОД .....	170
«ТРОПИНКА...» .....	171
«Я ТОНКИЙ СТВОЛ...» .....	172
ЛАМПАДКА У ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ .....	173
«О РОДИНЕ, О МАТЕРИ ПИШУ...» .....	173

**— ЮРИЙ МАКСИН —**

«Я ПЛАЧУ, ГЛЯДЯ ФИЛЬМЫ О ВОЙНЕ...» .....	175
СТАЛИНГРАДСКАЯ ПОЛОСКА .....	175
«МОЛЧАЛИ ОБ ЭТОМ ВСЕВЕДЫ...» .....	176
«ЭТИ ТРАВЫ РОДИМОЙ ЗЕМЛИ...» .....	177
ПЕСНЯ .....	178
«ДЕРЕВНЯ ВЫМОКЛА ОТ ДОЛГОГО ДОЖДЯ...» .....	179
«СТАЛ ГОРЕК ХЛЕБ ЗА ПРАЗДНИЧНЫМ СТОЛОМ...» .....	180
«СРЕДИ НОЧИ ОЧНУСЬ И ГЛЯЖУ...» .....	180

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ .....	182
---------------------------	-----

Издатели искренне признательны  
руководству

*Законодательного Собрания  
Вологодской области,*

*Областного Совета профсоюзов,*

*Акционерного общества «Старт-плюс»,*

*Акционерного общества «Вологдаинжсельстрой»,*

*Акционерной страховой компании «Жаско»,*

*Общества с ограниченной  
ответственностью «Волдорстрой»,*

*Акционерного общества «Тепличный комбинат»,  
всем вологжанам,*

оказавшим моральную и материальную  
поддержку в создании этого юбилейного сборника.

## **ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ**

*Стихотворения вологодских поэтов*

Выпускающий редактор — С. А. Тихомиров

Компьютерная верстка — С. Ш. Лихачева

Сдано в набор 15.02.05. Подписано в печать 10.04.05.  
Формат 70х90/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.  
Гарнитура Literaturnaya. Усл. печ. л. 6. Тираж 2000 экз.

Издательство «Книжное наследие»  
Вологодской областной универсальной научной библиотеки  
160035, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, 1.

Отпечатано: ООО ПФ «Полиграфист», 160001,  
г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.  
E-mail: poligraf@votel.ru